

Последний рассвет

Автор:

Александра Маринина

Последний рассвет

Александра Маринина

На лестничной клетке московской многоэтажки двумя ножевыми ударами убита Евгения Панкрашина, жена богатого бизнесмена. Со слов ее близких, у потерпевшей при себе было дорогое ювелирное украшение – ожерелье-нагрудник. Однако его на месте преступления обнаружено не было. На первый взгляд все просто – убийство с целью ограбления. Но чем больше информации о личности убитой удастся собрать оперативникам – Антону Сташису и Роману Дзюбе, – тем более загадочным и странным становится это дело. А тут еще смерть близкого им человека, продолжившая череду необъяснимых убийств...

Александра Маринина

Последний рассвет

Глава 1

Все-таки правильно, что празднование юбилея проводится в будний день в городе, а не за городом, как стало модно в последние годы. Ноябрь перевалил на вторую половину, погода не ахти, насладиться природой и свежим воздухом все равно не получится, так какой смысл затевать шикарный праздник в таком месте, куда не каждому из приглашенных удобно добираться? Молодец юбиляр, все устроил в Москве, и гости, судя по их немалому количеству, явились все. Закатил Коля Букарин прием человек на 600, денег не пожалел, да и

концертную программу обеспечил – известный певец Волько, любимец дам, славящийся исполнением лирического репертуара, в основном романсов, красавец. И поет приятно, даже на слух Игоря Панкрашина, который вообще-то к такому жанру всегда был равнодушен. Празднование проходит в двух залах, в одном – банкетные столы и сцена, в соседнем – аперитивные столы, где гости в перерывах могут походить, пообщаться, выпить и закусить. Удачно и удобно, потому что сплошное сиденье за столом ничего, кроме ненужного обжорства, не дает: общаться можно только с тем, кто сидит рядом, а ведь серьезные деловые люди на приемы ходят совсем не для того, чтобы желудок набить. Ходят общаться, контакты налаживать, о себе напоминать, вопросы решать. И в этом смысле виновник торжества организовал все правильно. После первой части банкета – перерыв, после второй части – еще один перерыв, минут на двадцать-тридцать, потом будет десертный стол, а пока, во втором перерыве, бизнесмен Игорь Николаевич Панкрашин, холеный и весьма привлекательный мужчина пятидесяти семи лет от роду, человек небедный, председатель попечительского совета им же самим созданного фонда, с удовольствием общается с юбиляром и нужными людьми.

А вот Женечка, его жена, явно скучает. Слоняется в одиночестве, неприкаянная и какая-то растерянная, впрочем, как всегда. Из всего обилия присутствующих она знакома, наверное, всего с двумя-тремя дамами – женами его приятелей, но поди найди их в этой толпе. А так ей и поговорить не с кем. Совсем не светская его Женечка, уютная, домашняя, простая и бесхитростная, и тяжело ей на таких приемах, но как же на прием без жены явиться? Это совершенно невозможно! Это неприлично и как минимум вредит деловой репутации Панкрашина, для которого семья, жена и четверо детей – неременный атрибут. Но Игорь Николаевич готов глотку порвать каждому, кто только посмеет заикнуться, что жена нужна ему лишь для антуража. Нет, нет и нет! Он любит свою Женечку, он прожил с ней тридцать пять лет. И конечно же, он искренне жалеет ее, потерянную и одинокую в этой шумной нарядной толпе, но никуда не денешься: если в приглашении сказано «с супругой», то будь любезен, предъяви всему свету свою благоверную.

– А ты молодец, – слышался сзади негромкий, но вполне отчетливо ехидный голос.

Жора Анищенко, заместитель Панкрашина по работе в попечительском совете фонда, подкрался, как всегда, незаметно. И что за манера! Впрочем, Игорь Николаевич своего зама любил, работником тот был отменным и другом

преданным, уже много лет они знакомы и близки, а то, что Жорик порой позволяет себе неллицеприятные замечания и острые высказывания, так на то он и друг. Кто кроме настоящего друга скажет правду?

– Я смотрю, ты к моим словам прислушался, хоть украшение какое-то Женьке на шею повесил, – продолжал между тем Георгий Владиленович. – Платье-то новое купить не догадался? Сколько лет она в этом платье на мероприятия ходит? Три? Или пять?

Панкрашин досадливо поморщился и вымученно улыбнулся. После последнего мероприятия, где он был с Женей, Георгий строго выговорил ему, сказав, что их контраст выглядит неприлично. Контраст? Какой еще контраст? Сам-то Игорь ничего такого не заметил, потому что видит и себя в зеркале, и Женю каждый день, и ему казалось, что они все такие же, какими были много лет назад. Да, Игорь Николаевич очень следил за собой, регулярно занимался спортом, покупал очень хорошую одежду, стригся в дорогом салоне, но это ведь было необходимо: человек, занимающийся бизнесом и зарабатывающий деньги, должен выглядеть презентабельно, иначе доверия партнеров не обретешь, таков непреложный закон делового мира. А Женя всю жизнь, пока в прошлом году не вышла на пенсию, работала на секретарской должности, то личным секретарем, то делопроизводителем, и все ее внимание было сосредоточено на семье: Игорь, муж любимый, детки, потом и внуки, дом. «Выглядеть» ей совсем не хотелось, неинтересно было, Женечка Панкрашина хорошо помнила те времена, когда жили они с Игорьком на две зарплаты, растили первых двоих детей и считали копейки. И уж тогда вопрос о том, купить ли новую кофточку Жене или спортивный костюм сыну, вообще ставиться не мог. Конечно же, костюм сыну, пусть ходит на тренировки в секцию, пусть развивается. И как-то так оно и осталось даже тогда, когда Игорь Николаевич начал зарабатывать приличные деньги. Он взял на себя финансовое обеспечение семьи со всеми вытекающими отсюда обязанностями по поддержанию имиджа делового человека, а Евгения Васильевна так и осталась секретарем-домохозяйкой, обожаемой и носимой на руках мамой и бабушкой, центром и стержнем большой семьи, неиссякаемым источником любви, внимания и заботы. Даже тогда, когда муж стал приносить в дом солидные деньги, она не бросила работу, хотя никакой такой острой надобности в ее мизерной зарплате не было: Женя хотела общения, поддержания отношений с людьми, с которыми сдружилась за многие годы, и на пенсию вышла только в прошлом году, когда 55 исполнилось.

Однако, если прислушаться к Жоркиным словам, со временем количество перешло в качество, и меры, предпринимаемые Панкрашиным для поддержания достойного внешнего вида, увели его слишком далеко от жены: сам он ухоженный, красивый, дорого и модно одетый, а жена – как уборщица, ей-богу. Он расстроился. И перед очередным мероприятием положил перед женой толстую пачку купюр и строго наказал купить что-нибудь приличное из одежды и украшений. Покупать новое платье она отказалась, зачем, говорит, в длинном черном платье я всегда выгляжу прилично, а деньги на ветер выбрасывать не нужно, ты лучше детям что-нибудь купи или так дай, в конвертике. Никак она не привыкнет к достатку, хотя Панкрашин в бизнесе уже полтора десятка лет и является человеком состоятельным, но десятилетия, прожитые на зарплату секретарши и рядового служащего, на помойку не выкинешь. Он дал Жене полмиллиона наличными, чтобы она купила себе какой-нибудь наряд и украшения, которых у нее отродясь не было, так она, глупышка, и от платья отказалась, и на ювелирку тратиться не пожелала, нашла какой-то бутик, где можно брать нарядные украшения напрокат. Зачем, говорит, их покупать, если я их не ношу каждый день, только деньги попусту тратить.

Но Женя действительно выглядит гадким утенком на этом сборище. Впрочем, наплевать, его жена – это не украшение бизнесмена Панкрашина, это его тыл, его опора и, что греха таить, надежная поддержка его репутации семьянина и чадолобца, благодаря чему ему удастся привлекать инвестиции в свой фонд. Четверых детей они с Женей вырастили, двоих родных и двоих приемных, образцовая семья, трое старших уже совсем взрослые, самостоятельные, живут отдельно, порадовали родителей внуками, а младшая, Ниночка, живет с ними, школу заканчивает. Такой женой и такой семьей можно гордиться, и совсем не обязательно жену украшать и наряжать. То есть он бы, конечно, и украшал, и наряжал, если бы Женя сама захотела. Но в том-то все и дело, что она не хочет. Она простая и сердечная баба, мать, хозяйка, она обожает своих подруг, с которыми дружит лет по двадцать, а то и по тридцать, но подруги эти – такие же секретарши и делопроизводители, как и сама Женя, работали вместе в одной огромной организации и с тех пор никак расстаться не могут. У них лишней копейки нет, а Женя – она мудрая, она знает, что любую дружбу может разрушить зависть, поэтому одевается просто и дешево, украшений не носит – как смолоду не носила, так и приучаться не захотела, чтобы подружек не нервировать и злобу в них не будить. «Хочу, – говорит, – сохранить свой круг общения, потому что если этих подруг растеряю, то других уже не приобрету, и что мне останется? Дети выросли, из гнезда выпорхнули, вот Ниночку во взрослую жизнь отправлю – и совсем одна целыми днями буду сидеть, как сичиха. Кому я нужна со своими десятью классами и трудовой биографией? Как

была необразованной дурехой, так и осталась, спасибо, хоть ты меня не бросаешь, а то мог бы завести молодую, которая в Англии где-нибудь образование получала и в бизнесе разбирается». Игорь при этих словах всегда смеется и обнимает жену: ну куда он от нее денется? Где еще он найдет такую Женечку? А то, что позволяет себе разные вольности то и дело, так на прочность брачных уз это не влияет. Женечка – это святое. И потом, даже если случится невероятное, он влюбится и уйдет от Женечки, то дети его не поймут и не простят, а отношениями с детьми Игорь Николаевич Панкрашин рисковать не станет ни за что! Детей своих он обожает, что родных, что приемных. И даже с недавнего времени начал уговаривать Женю взять из детского дома еще одного ребенка. А что? Нина вот-вот школу закончит, в родительской опеке нуждаться не будет, а дом без детских голосов пуст и холоден. Самому Панкрашину всего 57, Женечке на год меньше, здоровьем их обоих природа не обидела, да и наследственность у них отличная, так что сил хватит еще одному малышу, обделенному родительской любовью, дать нормальное детство.

Он на несколько минут отвлекся на разговор со знакомым банкиром, а когда снова поискал глазами Евгению, та стояла посреди огромного зала и о чем-то оживленно разговаривала с известным певцом Виктором Волько, который уже выступал во время первой и второй частей банкета, а после перерыва, как было объявлено, будет петь снова. Панкрашин с облегчением подумал, что Женя, слава богу, нашла себе собеседника и не скучает.

Какой милый этот Виктор Волько! А еще говорят, что у известных людей звездная болезнь! Неправда это, никакой звездной болезни у певца Волько нет, и улыбка у него такая обаятельная, и голос приятный не только со сцены, но и в жизни.

Евгения Панкрашина взглянула туда, где стоял муж в компании с юбиляром и еще какими-то мужчинами. Не станет она подходить, не место ей среди этих людей, она и потом, после окончания мероприятия, успеет рассказать Игорьку, какой симпатяга этот Волько. И ведь они не знакомы, просто она проходила мимо певца, задумчиво стоявшего с бокалом вина в руках, и улыбнулась ему, ну не могла не улыбнуться, потому что романсы, которые он исполнял всего полчаса назад, вызвали у нее слезы, и улыбка казалась ей всего лишь крохотной толикой благодарности и восхищения талантом. Чем еще и как могла она выразить свои чувства известному, но незнакомому человеку? Не заговаривать же с ним. Это как-то глупо, он ее не знает, подумает еще, что она – из тех

фанаток, которые пристают и потом проходу не дают. Но певец Волько ответил на ее улыбку таким теплым взглядом, что Евгения невольно замедлила шаг, проходя мимо него, а Виктор вдруг заговорил с ней, она ответила, и они поболтали несколько минут. Подумать только! Такая звезда, сам Виктор Волько – и она, никому не известная домохозяйка, да к тому же одетая далеко не так шикарно и модно, как остальные присутствующие здесь дамы. Настроение сразу поднялось, и скучный прием уже не казался таким беспросветно унылым.

– Женечка! – послышалось откуда-то из-за спины.

Евгения обернулась и, к своему облегчению, увидела группу нарядно одетых женщин, одна из которых – Аллочка – была супругой Жоры Анищенко, заместителя Игоря Панкрашина, а две другие – женами его постоянных партнеров по теннису. Евгения подошла к ним, радуясь, что можно хоть с кем-нибудь поговорить, а то на этих приемах она всегда умирает с тоски, делать ей здесь совершенно нечего, и публика вся не ее круга, с ними и поговорить не о чем, да и стесняется она, знает мало, книг почти совсем не читала, когда ей читать-то, с работой, семьей и четырьмя детьми, а теперь и тремя внуками? Ее подружки такие же простые, как она сама, с ними можно и про хозяйство поболтать, и про деток, и про мужей посплетничать, и известных актеров обсудить, а с этими о чем разговаривать? Но на таких мероприятиях с ума вообще сойдешь, если весь вечер молчать как бука. А так хоть постоит с людьми, поулыбается, а то на нее уже внимание начали обращать: ходит неприкаянная, ни с кем не разговаривает, да и одета кое-как. То есть в ее глазах простое облегчающее черное платье – наряд, уместный в любых обстоятельствах, как любила говорить сама Евгения: «Хоть в поликлинику, хоть на похороны», но в этом обществе подобное мнение не разделяли. Да еще ожерелье это дурацкое, которое Игорь велел надеть. Не привыкла она к украшениям, раздражают они, мешают, и вообще глупость какая-то. А это ожерелье еще и тяжеленное, и броское, его все замечают. Разве человек делается лучше или хуже, добрее и умнее или глупее и зловреднее в зависимости от того, есть на нем цацки или нет?

– О, я смотрю, наш Панкрашин расщедрился, наконец-то на тебе появились украшения, – с нескрываемым сарказмом протянула Алла Анищенко. – Сам выбирал?

Отвечать на вопрос Евгении не хотелось. Она не очень понимала, можно ли сказать этим дамочкам, что кольцо не куплено, а взято... Нет, не надо. Не надо

вообще эту тему поднимать и обсуждать украшение. Евгения Панкрашина была о своем уме не особо высокого мнения, относилась к себе более чем критично и очень боялась неосторожным высказыванием или необдуманными словами повредить мужу. Лучше промолчать.

Тем более что правду сказать она все равно не может. Правды никто не знает. Настоящей правды. И Игорь не знает.

Надо надеяться, что и не узнает. Иначе головы ей, Евгении Панкрашиной, не сносить.

И она, радуясь собственной смекалке, быстро и возбужденно заговорила о Викторе Волько. Уловка удалась: дамы к вопросу о том, кто выбирал украшение, больше не возвращались.

Покачиваясь на заднем сиденье «Майбаха», Алексей Юрьевич Сотников предвкушал приятный вечер в компании людей, искренне любящих ювелирное искусство, преданных ему, знающих и очень профессиональных. Эти встречи проходят уже много лет, раньше собирались по очереди то у самого Сотникова, то у Лёни Курмышова, то у Илюши Горбатовского, но с появлением Олега Цыркова встречаться стали только у него: это удобно, у Олега большая квартира в центре Москвы, всем добираться легко, да и сам Цырков всегда заботится о том, чтобы его гостей привезли и потом отвезли домой, он терпеть не может, когда отказываются от угощения и выпивки с сакраментальным «я за рулем», посему за каждым из участников «ювелирных посиделок» неизменно присылалась машина. Олег, конечно, поначалу настаивал, чтобы собрания проходили в его загородном доме, где и места побольше, и коллекция хранится в бронированном помещении, но уж очень далеко к нему ехать, да по московским знаменитым пробкам, которые из простого неудобства давно уже превратились в фактор жизни и которые невозможно и неправильно не учитывать, планируя свои графики и дела.

Сегодня свое изделие будет представлять Илюша Горбатовский, человек с отменным художественным вкусом, в ювелирку пришедший после окончания Мухинского художественного училища в Питере и двух лет работы оформителем. Если Лёничка Курмышов стал ювелиром поневоле, то есть по воле его родителей, отдавших мальчонку в 14 лет на выучку ювелиру, чтобы парень

получил денежную профессию, и самого Лёню тогда никто не спросил, то Илюша занялся ювелирным делом осознанно, будучи уже совсем взрослым и поняв после нескольких лет колебаний и сомнений, чем именно он хочет заниматься. Интересно, что Илья сделал на этот раз? И не менее интересно, кто первым угадает заложенный в изделие смысл, послание, или, как нынче модно говорить, message. Собственно, Алексей Юрьевич и не сомневался ни одной секунды, что первым смысл послания разгадает он сам, но промолчит, как обычно, подождет, понаблюдает за горячими спорами между остальными участниками игры. Особенно забавлял его Олег Цырков, человек без всякого художественного образования, медиамагнат, безумно богатый и столь же безумно любящий ювелирный антиквариат. Олег из коллекционеров. Коллекционеров Сотников не особо жаловал, хотя и понимал, что благодаря именно этой категории людей имел в течение многих лет солидный приработок, выступая в качестве уникального эксперта по изделиям Дома Сотникова, знаменитого ювелирного предприятия, основанного еще в самом конце восемнадцатого века. К сожалению, в последнее время этот источник дохода существовать перестал, хотя коллекционеры до сих пор по старой памяти обращаются к Алексею Юрьевичу Четвертому, наследнику и достойному продолжателю дела предков, представителю восьмого поколения ювелиров Сотниковых, трое из которых носили имя Юрий Алексеевич, четверо были Алексеями Юрьевичами, и только самый первый представитель династии, Юрий Сотников, носил отчество «Данилович». Передача имени старшему сыну была такой же традицией в семье, как и многое другое, например, пожелание, чтобы дети вступали в брак не позже 25 лет. И если к девушкам такое требование применялось с известной долей мягкости – не виновата она, если никто не сватает и замуж не берет, то к сыновьям относились жестко: женись, плодись, расти детей – наследников дела, мастеров и художников. Мир мог рухнуть, но Дом Сотникова должен был процветать и крепнуть, чтобы не затеряться рядом с такими ювелирными производствами, как Дом Хлебникова, Дом Оловянишникова, Дом Овчинникова, Дом Фаберже. Да и много других традиций было в семействе Сотниковых, и все они блюлись с трепетом и уважением.

Даже то собрание, на которое ехал Алексей Юрьевич Сотников Четвертый, тоже было частью унаследованной с середины девятнадцатого века традиции.

Водитель проехал шлагбаум, отделяющий от улицы охраняемую территорию дома элитной застройки. Пока он парковался, из подъезда, где находилась квартира Цыркова, вышли два человека в униформе с логотипом, и точно такой же логотип был на автомобиле, в который они сели. Доставка из ресторана. Олег – хозяин гостеприимный, и собрания ювелиров всегда сопровождалось

изысканным ужином, который обслуживали специально приглашенные для такого случая официанты. Сотников считал это барством и излишеством, не такой уж серьезный банкет – ужин на четверых, могли бы и попроще его обставить и вообще могли бы сами еду подогреть, разложить по тарелкам и поставить на стол, не говоря уж о том, что вовсе не обязательно заказывать блюда из ресторана, вполне можно и в хорошей кулинарии купить полуфабрикаты и закуски. Но у Олега свои причуды, он метит в капиталисты, ему лавры Форбса покоя не дают: известно ведь, что именно Форбс собрал самую большую коллекцию изделий Фаберже. Олег в «фабержисты» не метит, не хочет быть банальным, у него другие критерии отбора экземпляров для своей коллекции. В Олеге Цыркове вообще было много такого, что ужасно раздражало Алексея Юрьевича в других людях, но Олегу он прощал многое, даже, можно сказать, всё, потому что сорокалетний магнат горел любовью к ювелирному искусству и искренне хотел научиться разбираться в нем не хуже настоящих профессионалов. Ему все было интересно, он не уставал задавать вопросы и, судя по всему, ответы осмысливал, усваивал и запоминал.

Хозяин квартиры, высоченный худощавый брюнет с симпатичным загорелым лицом и веселыми глазами, сам открыл дверь и проводил Сотникова в просторную гостиную, где уже сидел Илья Ефимович Горбатовский, заполнивший рыхлым телом отнюдь не узкое кресло.

– Ты, как всегда, первый, – вместо приветствия заметил Сотников.

Горбатовский шевельнул крупными мягкими губами, пытаясь изобразить улыбку. Пожав руку Сотникову, он буркнул:

– Так мне ближе всех ехать.

Илюша не в настроении, это сразу видно. Впрочем, ничего удивительного, в последние пару лет он всегда напрягается, если рядом с ним находится Лёничка Курмышов. И хотя Лёня еще не пришел, Илюша уже весь набычился и иголки выставил.

Олег вкатил в комнату тележку с напитками, до таких простых действий он снисходит сам, официанты сидят в отдельной комнате и ждут, когда наступит время «подавать». Горбатовский, как обычно, налил себе коньяку, Сотников всегда пил только хорошие вина, в гостях ничего более крепкого себе не

позволял, а сам хозяин предпочитал виски. Если бы Лёня был здесь, он бы наверняка хлопнул стакан водочки.

– Как двигается книга у Юры? – спросил Цырков, усаживаясь в свободное кресло между Горбатовским и Сотниковым.

Алексей Юрьевич всегда радовался, если его спрашивали об этом. Сыном Юрием он гордился, хотя тот и впервые за два столетия нарушил традицию: будучи старшим сыном, не принял профессию ювелира и захотел стать журналистом, а теперь пробует себя в качестве писателя, хочет создать роман о восьми поколениях ювелиров Сотниковых, опираясь на сохранившиеся в семье записки, письма, дневники и учетные книги. И Сотников с удовольствием принялся рассказывать о том, как идет работа над романом.

– Почитаешь нам что-нибудь новенькое? – попросил Горбатовский.

– Сейчас посмотрю. – Сотников полез в карман за айфоном. – Юрка обещал скинуть мне на почту то, что написал вчера. Если не забыл, как обычно.

Он покопался в электронной почте и нашел сегодняшнее письмо от сына с прикрепленным файлом.

– Есть!

«Переломным этапом в развитии Дома Сотникова стали годы, когда во главе предприятия стоял родившийся в 1815 году Юрий Алексеевич Первый Сотников. О кардинальном повороте в концепции изделий в 1845 году мы уже говорили, а вот в 1853 году произошло событие, положившее начало очень важной и интересной традиции.

Заказчиком изделия был богатый золотопромышленник Изотов. Он хотел сделать подарок своему покровителю, какому-то князю, и очень просил, чтобы «было позакковыристее, ибо их светлость страсть как любит все необычное и не такое, как у других». Изделие изготовили, но Изотов при виде его недовольно скривился: просто-то как! И ничего необычного.

– Ну и что тут такого? – спросил он Сотникова. – Я ведь просил: позаковыристее. А вы мне тут что сделали? Ерунду какую-то.

Юрий Алексеевич приподнял брови.

– Ерунду? По-вашему, это ерунда, милостивый государь? В таком случае, будьте любезны, скажите мне, что в сией вещице зашифровано?

Изотов покрутил в пальцах крохотную табакерку, приблизил к глазам, даже лупу попросил у ювелира, после чего в раздражении чуть ли не швырнул изделие на стол.

– Да ничего! Табакерка как табакерка, я такие десятками видал.

– А вот и не правы вы, милостивый государь, – тонко улыбнулся Сотников. – Здесь, в этой вот крохотной вещице, смысл заложен глубокий, только вам его не разгадать – образования не хватает. А ваш покровитель наверняка все поймет.

– Брешешь! – Золотопромышленник выкатил глаза и глянул устрашающе. – Спорить буду, что брешешь. Нет тут ничего.

– А вот вы проверьте, – весело предложил Юрий Алексеевич. – Сходите к знающим людям да и спросите их, видят они здесь хоть что-нибудь или уж и вовсе ничего.

– Ну а ежели окажется, что и вовсе ничего? – прищурился Изотов.

– Тогда отдам вам вещицу бесплатно, аванс весь верну, – пожал плечами ювелир. – А вот если окажется, что смысл есть, то уж...

– Тут не сомневайтесь, – хмыкнул заказчик. – В долгу не останусь, за поделку заплачу вдвойне.

«Поделка»! Ничего более оскорбительного сказать об этом произведении ювелирного искусства было невозможно. Сколько труда, сколько фантазии было вложено в нее, сколько знаний!

Золотопромышленник Изотов слов на ветер не бросал, и уже на следующее утро в кабинет Юрия Алексеевича Первого постучали.

- К вам его благородие господин Клатт пришли, - доложил слуга.

- Проси, - кивнул Сотников.

Ювелира Рихарда Клатта, предки которого поселились в России еще при Елизавете, Сотников отлично знал и глубоко уважал.

Оказалось, что от Сотникова накануне золотопромышленник отправился прямо к Клатту и попросил (за деньги, разумеется!) посмотреть табакерку и сказать, есть ли в ней что-то эдакое, что от простого взгляда сокрыто. Клатт рассмотрел вещицу, кое-что сумел сказать, но кое-что осталось непонятным и ему самому. О чем он честно и сообщил странному посетителю.

- Награда должна быть заслуженной, - уверенно произнес немец. - Это однозначно вытекает из сочетания цветов на данной вещи. Точно такое же сочетание цветов было на памятном ордене, изготовленном в единственном экземпляре для одного из наполеоновских генералов после египетской кампании. Причем орден, по мнению большинства военачальников того периода, был им не заслужен. Об этом в свое время много говорили. Но тут есть кое-что, смысла чего я не понимаю. Вот этот вензель в сочетании с камнем, ограненным подобным образом... Это не может быть случайным. За этим явно что-то стоит, но у меня не хватает знаний, чтобы вскрыть смысл должным образом.

Изотов ушел изрядно озадаченным, а сам ювелир Клатт решил на следующий же день идти к автору изделия и прояснить у него вопрос до конца. Выслушав подробные объяснения Сотникова, Клатт покачал головой.

- Бог мой, Юрий Алексеевич, голубчик, да как же все это умещается в вашей голове? Помыслить невозможно, как много вы знаете. Благодарен вам за разъяснения от всей души. И позвольте высказать просьбу: ежели еще когда-нибудь придется вам делать нечто подобное, со скрытым смыслом, не сочтите за труд, покажите вещицу мне, только не рассказывайте ничего. Если отгадаю - буду гордиться собой, а уж коли нет - стану вам платить, как договоримся.

Предложение Юрия Алексеевича удивило и позабавило изрядно, однако он согласился. И поскольку Дом Сотникова начиная с 1845 года делал в основном изделия «со смыслом», встречи двух ювелиров стали регулярными. Примерно через год Рихард Клатт попросил позволения привлечь к отгадыванию еще одного ювелира, голландца по происхождению, и тут уж начали делать ставки. Кто первым отгадывал, тот и забирал выигрыш. Если отгадать не удавалось ни немцу, ни голландцу, деньги доставались Сотникову. Через три года в компании появился четвертый участник – один из старших мастеров Дома Хлебникова.

Так и возникла традиция, которая поддерживалась из поколения в поколение...»

Горбатовский слушал, прикрыв глаза и сложив пухлые руки на необъятном животе. По лицу его разливалось удовлетворение, казалось, он даже о Курмышове забыл.

Но не забыл хозяин квартиры. Олег Цырков посмотрел на часы и проговорил озабоченно:

– Что-то Леонид Константинович опаздывает уже на час почти.

– Пробки, – равнодушно бросил Горбатовский. – Стоит, наверное, где-нибудь.

– Позвоню водителю, узнаю, где они и как скоро будут, – решил Цырков.

Водитель же с недоумением заявил, что уже часа два как стоит перед подъездом, в котором живет Леонид Константинович, а пассажир все не выходит.

– Я уж ему и на домашний телефон звонил раз пять, и на мобильный звоню постоянно, – оправдывался он, – а Леонида Константиновича нет и нет. Если бы знал номер квартиры, я бы поднялся и в дверь позвонил, может, у него городской телефон сломан или еще что.

– Номер квартиры? – переспросил Цырков.

– Пятнадцать, – подсказал Сотников тут же.

– Квартира пятнадцать, – повторил в трубку Олег. – Поднимись, пожалуйста, потом мне перезвони.

Через несколько минут водитель перезвонил и сообщил, что дверь никто не открывает, и никаких звуков из квартиры не слышно.

– Странно, – пожал плечами Цырков. – Леонид Константинович сказал, что забирать его надо в восемнадцать тридцать из дома, я это отчетливо помню, да у меня и записано. Ладно, стой там и жди, может, появится.

Он откровенно злился, но как гостеприимный хозяин и просто хорошо воспитанный человек старался этого не показывать. А вот Илья Ефимович Горбатовский своих эмоций не сдерживал.

– Вот Лёнька весь в этом! – раздраженно ворчал он, сверкая выпуклыми яркими глазами. – И что за идиотская манера выключать телефон и потом не включать или просто не брать трубку, если ему, видите ли, не хочется ни с кем разговаривать! И вообще, он своей необязательностью и безответственностью всех уже достал, пропадает – и ищи его потом! Никогда с людьми не считался, никогда не думает о том, что его ждут и ищут. Свинство какое-то.

Сотников молчал, не поддакивал и не защищал Курмышова. Просто думал о том, что Илюша, конечно же, прав во всем, но он, Сотников, знает и любит Лёню много лет. Лёнька всегда был таким, с самого детства. Руки поистине золотые, а вот характер сомнительный.

Лёня был на четыре года старше Алёши Сотникова, когда после окончания восьмого класса пришел к Алёшиному отцу на выучку. При советской власти все было не так, как нынче. Юрий Алексеевич Третий Сотников работал, как и подавляющее большинство ювелиров того времени, в службе быта, но самые главные свои изделия выполнял частным образом на дому. И вот именно домой к ювелирам и приходили мальчики, за которых родители платили по три рубля в месяц, чтобы пацан мог постоять за спиной у Мастера и чему-то научиться. Сначала ученики просто смотрели, а заодно и слушали объяснения и наставления учителя, и только на втором году им разрешалось самим выполнять какие-нибудь несложные работы. Ну а о том, что сын Мастера приобщался к делу с младых ногтей, и говорить нечего. К своим десяти годам Алеша уже много чего знал и умел.

Дальнейшая судьба у Алеши Сотникова и Лёни Курмышова тоже складывалась более или менее одинаково: оба, с разницей в 4 года, закончили училище по подготовке огранщиков, ювелиров и сопутствующих профессий при Гохране СССР. Вообще-то Алешин отец их и без всякого училища всему обучил, но необходим был диплом, ибо только на его основании можно было получить документ, разрешающий работать ювелиром. После училища оба работали на опытно-экспериментальном ювелирном заводе на улице Лавочкина, и оба, разумеется, занимались выполнением частных заказов. Все было одинаковым у двоих друзей, кроме одного: Алексей Сотников решил получить высшее образование, хотя по большому счету для ювелирной работы оно было совершенно не нужно. А вот Леонид оставался вполне довольным тем объемом знаний, который у него был.

Когда официально разрешили, Сотников открыл собственную фирму, маленькую мастерскую, в которой занимался только изготовлением индивидуальных заказов, сам был и владельцем, и главным исполнителем всей работы от эскиза до закрепки камней, а подмастерья сидели на шлифовке, полировке и прочих несложных операциях. Алексей Юрьевич продолжал блюсти традиции рода Сотниковых, делая только так называемые сентиментальные изделия, в которые опять же, согласно традиции, должен быть заложен некий скрытый смысл, причем делал он не только украшения, но и предметы бытового назначения: рамки для фотографий, ручные зеркала, сумочки, косметички, сигаретницы, футляры для мобильного телефона, визитницы, портсигары, шкатулки для драгоценностей, вазочки, фигурки, каминные часы и многое другое. В каждое изделие он вкладывал скрытый смысл – послание, фразу, идею, для чего использовал ассоциативный ряд на основе известных исторических фактов, связанных с камнями или изделиями, с историей возникновения того или иного узора, направлением в ювелирном искусстве или в искусстве вообще, техникой, сочетаниями цветов. Для ювелиров Сотниковых имели значение, кроме того, язык цветов, мифология камней, произведения литературы, живописи и архитектуры – одним словом, все, что так или иначе может быть интерпретировано. Массовкой Алексей Юрьевич не занимался.

К нынешнему времени штат маленькой поначалу мастерской разросся до 12 человек, Сотников стал заниматься огранкой сырья для своих изделий, набрал огранщиков, арендовал помещение в здании бывшего завода «Кристалл», и жена Людмила, художник-дизайнер по профессии, стала его бессменным помощником на этапах разработки эскизов. Лёня же Курмышов еще много лет оставался частником-надомником, выполняя заказы своей многочисленной,

сложившейся за длительный период клиентуры – звезд театра, кино, эстрады и шоу-бизнеса. Однако после болезни у него резко упало зрение и стала плохо слушаться правая рука, выполнять тонкие работы Леонид уже не мог и занялся изготовлением ювелирной массовки, стал хозяином небольшого производства, а сидит там же, где и Сотников, на «Кристалле», где арендуют помещения более 100 фирм, связанных с торговлей камнями и ювелирным производством. Это удобно: на заводе «Кристалл», в советское время занимавшемся огранкой драгоценных камней, есть все необходимое – и производственные мощности, и инфраструктура, и внешняя охрана, и специальный бункер для хранения ценностей.

Алексей Сотников и Леонид Курмышов оставались друзьями много лет. И продолжают ими оставаться.

Несмотря на то, что сделал Лёня.

Сотников вздохнул и едва заметно улыбнулся своим мыслям: они все-таки близкие люди, и многолетнюю дружбу не так-то легко перечеркнуть. Да и незачем, ведь Лёня своей вины и не отрицает.

Он расслабился в удобном кресле и непроизвольно вздрогнул, когда раздался звонок в дверь. Олег Цырков поспешил открывать.

И через мгновение из прихожей раздался сочный бас Курмышова:

– А мне надо было в одно место по делу, я оттуда на такси приехал.

Горбатовский выразительно посмотрел на Сотникова: мол, как тебе это нравится? Ему НАДО было! А позвонить и предупредить, чтобы машина его не ждала возле дома, не надо было? Просто хамское отношение к людям, больше никак это не назовешь. Сотников слегка опустил веки и покачал головой: Лёню уже не переделаешь, примем его таким, какой он есть.

Курмышов буквально ввалился в комнату, кряжистый, мужиковатый, нос картошкой, лоб в глубоких морщинах. Усы с бородой, носимые с молодости, скрывают простоватость лица, но Сотников-то хорошо помнит, какое у Лёни лицо на самом деле. От природы Курмышов был весьма некрасив, однако ухоженные густые вьющиеся седые волосы, которые он носит чуть

длинноватыми, и красивой формы растительность на лице вкупе с невероятным обаянием делали его настолько привлекательным, что женщины всю жизнь вились вокруг него и отчаянно влюблялись. Он не утратил этой своей мужской привлекательности, даже несмотря на болезнь, и оставался по-прежнему широким, веселым, общительным, шумным и искренним. Хотя, на взгляд Сотникова, и простоватым. Взять хотя бы его манеру одеваться – ярко, броско, как принято в шоу-тусовке, с которой Лёня тесно связан и с которой берет пример. Такая одежда больше пристала молодым мужчинам. Впрочем, Лёнька всегда боялся старости, гонится за молодостью, стареть не хочет. Да и до женского пола охоч чрезвычайно, что тоже стимулирует погоню за молодостью. Видит Алексей Юрьевич все недостатки своего друга, видит, понимает. А все равно любит.

– Мне здесь налью, я надеюсь? – громогласно спросил Курмышов. – Сюда-то я сам добрался, а домой пусть меня твой мальчик отвезет, – добавил он, обращаясь к хозяину дома.

Цырков молча кивнул и налил прибывшему гостю водки из высокой толстостенной бутылки-графина.

Горбатовский все никак не мог успокоиться и тут же принялся выговаривать Леониду:

– Лёнька, у тебя есть совесть? Ну как так можно? Мы тебя ждем, Славик, несчастный, стоит у подъезда и тоже тебя ждет, а ты куда-то свалил и даже не предупредил, чтобы водителя за тобой не посылали, ну что это такое: парень стоит перед подъездом, ждет, нервничает, а ты уехал невесть куда и явился своим ходом. Надо же уважать людей все-таки!

Курмышов залпом отпил добрых полстакана и беззаботно махнул рукой.

– А, подумаешь, постоит, не развалится, это его работа, он обслуга.

И снова Сотников внутренне поморщился. Огромное количество людей, выросших в простоте и бедности, став взрослыми и состоятельными, хорошо помнят свое детство и с уважением относятся к тем, кто не так богат и успешен, как они сами. В семье Сотниковых традиционно, еще со времен Юрия Даниловича Сотникова, имевшего скромное ателье по изготовлению ювелирных

изделий, никогда не делили людей на хозяев и прислугу, на мастеров и подмастерьев, ко всем относились с любовью и уважением. Но Лёня Курмышов, к сожалению, относился именно к категории людей, о которых принято презрительно говорить «из грязи в князи»: он старательно отрешивался от своего бедняцкого детства и своих родителей – честных работяг, демонстрируя отвратительные, по мнению Сотникова, барские замашки.

Но даже при всем этом Алексей Юрьевич не переставал любить своего старого друга.

– Ну что, друзья мои, приступим? – спросил Олег.

Было видно, что ему не терпится начать игру. Молодой, богатый, азартный, он ни разу еще не выиграл, всегда выходил из игры с финансовыми потерями, но сам процесс вызывал у него восхищение и глубокий интерес.

Положив перед Ильей Ефимовичем чистый лист бумаги, ручку и конверт, Олег деликатно отошел в сторону, чтобы ненароком не увидеть написанное. Сотников и Курмышов тоже поднялись со своих кресел и отошли от Горбатовского, который, нагнувшись над низким широким столом, должен был записать закодированное в его изделии «послание». Листок с текстом он положит в конверт, сам конверт заклеит, положит на серебряный подносик девятнадцатого века «для писем и визитных карточек» вместе со своей ставкой, на тот же подносик лягут деньги остальных участников игры, после чего поднос перенесут от стола подальше, но оставят в том же помещении, в зоне видимости всех четверых. Игра должна быть честной, и все должны быть уверены, что к конверту никто не прикаснется до окончания обсуждения. Кто отгадает задумку ювелира, тот возьмет выигрыш. Если не отгадает никто, деньги достаются тому, кто был наиболее близок к правильному ответу. Если никто даже не приблизился к ответу, деньги забирает ювелир – автор изделия, но при условии, что он убедительно обоснует все ассоциативные связи, которые должны были привести от внешнего вида изделия к смыслу послания. А то ведь можно сделать статуэтку балерины и заявить, что это траурный подарок с посланием «я буду любить тебя вечно», дескать, я так вижу, я художник. Никаких «я так вижу» в этом сообществе не принималось. Только логика, факты и знания.

Наконец, все четверо расселись вокруг стола, и Илья Ефимович Горбатовский предъявил свое изделие – подвеску в форме равностороннего треугольника, состоящего из шести гранатовых полос, пустоты между которыми заполнены

полосами из бриллиантов и бирюзы, и окаймленного по периметру полоской из черных бриллиантов. Сотников, Курмышов и Цырков впились в нее глазами, а Илья Ефимович, как предписывалось правилами игры, давал профессиональное описание, указывая количество и качество камней и использованных металлов.

– В основании треугольника – трехкаратный гранат овальной формы, – негромко и неторопливо произносил ювелир. – В полосах сорок гранатов общей массой пять карат, шестнадцать белых бриллиантов общей массой три карата, пятьдесят штук бирюзы примерно на пять карат, шестьдесят черных бриллиантов общей массой в шесть карат. Цепь веревочного плетения состоит из двадцати граммов золота семьсот пятидесятой пробы, вставки на цепочке состоят из бирюзы, гранатов и мелких бриллиантов.

Первым начал говорить, впрочем, как и всегда, Олег Цырков:

– Треугольник – символ триединства, равновесия трех начал... Бог открылся людям трижды: в своем Творении, в своем Слове, в своем сыне Иешуа... Три состояния единого мира – прошлое, настоящее и будущее...

Сотников молча улыбнулся: Олег в своем репертуаре, его сразу тянет в философию и эзотерику.

– Трехмерность места, времени и пространства, – продолжал хозяин дома.

Разумеется, он вспомнил и египетские пирамиды, и масонские треугольники, и Лувр, и многое другое. Образованный человек. Он мог бы рассуждать еще очень долго, но его перебил Курмышов.

– Станный набор камней, Илюша, – заметил он. – Немодный совсем. Гранаты с бирюзой – это дурновкусие, а уж сдабривать это бриллиантами... Не знаю, не знаю... Впрочем, ничего, веселенькая такая вещичка получилась, яркая, с настроением. Передает радость жизни. Кстати, напоминает парашют по форме и такая же разноцветная. Так, так... – Он задумчиво поправил очки с дымчатыми стеклами в дорогой оправе на широкой переносице. – Парашют – адреналин – драйв – энергия, активность... Слушайте, а вообще-то это триколор напоминает, белое-красное-синее, только не пойму, наш флаг или французский.

Остальные расхохотались, а Леонид Константинович между тем продолжал:

- О! Я еще вспомнил детскую песенку: «Разные, разные, голубые, красные...»
Только я дальше не помню слов. Там белое или черное упоминается?

- Нет, - с трудом переведя дыхание от смеха, ответил Сотников. - Черного и белого там нет, там есть желтое и зеленое.

- Да? - удивился Курмышов. - Надо же, я совершенно ничего не помню, кроме этих четырех слов. А ты помнишь?

- Помню, - кивнул Алексей Юрьевич.

- Ну, почти.

- Зачем?

- А вдруг там есть что-то? - Курмышов скосил глаза на Горбатовского, который сидел с непроницаемым видом, ни единым движением мышц не давая понять, насколько близки участники игры к разгадке.

Сотников подумал несколько секунд и продекламировал:

В праздники на улицах

В руках у детворы

Горят, переливаются

Воздушные шары.

Разные-разные,

Голубые,

Красные,

Желтые,

Зеленые

Воздушные шары!

Курмышов огорченно повел мощными плечами.

– В самом деле, ни белого, ни черного... Но голубые и красные-то есть. А кто автор?

– Аким, – произнес Сотников, удивляясь, что в памяти внезапно всплыло давно забытое имя, которое он знал когда-то в далеком детстве. – Яков Лазаревич Аким.

И тут же вспышкой пронеслось в сознании все, что родители когда-то рассказывали ему об этом поэте.

«Надо вспомнить, – подумал Сотников. – Возможно, сочетание цветов в подвеске – отсылка к биографии Акима. Лёнька наверняка не знает ничего, уровень не тот, а вот Илюша – тот знает. Или может знать. Так... Яков Лазаревич родился в начале двадцатых годов, фронтовик, отец хорошо играл на скрипке, был самоучкой, мать играла на гитаре и мандолине, пела. Младший брат стал крупным ученым в области космонавтики и планетологии... Что еще я помню из рассказов мамы? Аким собирался стать химиком, учился в химико-технологическом институте, но уже тогда интересовался творчеством и посещал литобъединение... Бросил институт после третьего курса... Или после четвертого? Не помню. Но точно помню, что не доучился. Что из этой информации можно выжать? Нет, пожалуй, дело не в Акиме, это меня занесло».

– Можно? – Он протянул руку к подвеске и вопросительно посмотрел на автора изделия.

Горбатовский кивнул и почему-то усмехнулся, бросив на Алексея Юрьевича острый и недобрый взгляд. Сотников аккуратно взял подвеску и положил перед собой на чистый лист белой бумаги – так ему легче было отделять то, что связано с формой, от всего прочего – камней, цветов, огранки, работы.

«Треугольник и шесть полос, – прикидывал он, не отрывая глаз от подвески. – Сочетание бирюзы, гранатов и бриллиантов, такое нетипичное для наших дней, но зато очень модное и широко употребляемое в тридцатых-сороковых годах девятнадцатого века. А сочетание этих камней с шарнирами, использованными в цепочке, сужает временной интервал, шарниры появились не раньше 1840 года. Из изделий этого периода я прекрасно помню браслет из золота с бирюзой на

шарнирах, датированный 1841 годом, одно из немногих изделий, год изготовления которых известен точно. Что может означать такой современный треугольник, активный, энергичный и в то же время уравновешенный, в сочетании с ясно читаемыми отсылками к 1841 году? Год смерти Лермонтова... Точно! «Герой нашего времени», сцена дуэли Печорина и Грушницкого.

«Площадка, на которой мы должны были драться, изображала почти правильный треугольник. От выдавшегося угла отмерили шесть шагов и решили...»

Произведение написано в 1840 году, а в 1841-м Лермонтов погиб. Указание на дату совершенно однозначное. Треугольная площадка. Шесть гранатовых полос, символизирующие шесть шагов. И овальный гранат в основании – как огромная капля крови».

Алексей Юрьевич поежился невольно и бросил взгляд на Горбатовского. Тот ответил ему прямым, твердым и холодным взглядом. Сразу понял, что Сотников задумку разгадал.

«Неужели у Илюши кончилось терпение? Ведь это изделие – прямая, неприкрытая угроза, вызов на дуэль, готовность идти до конца. Может, с Кариной что-то не так? Довел ее Лёнька своими выкрутасами? Илья никогда не скажет, он такой».

Сотников выиграл. По пухлому лицу Ильи Ефимовича Горбатовского разлилась удовлетворенная улыбка, словно все деньги достались именно ему. И Алексею Юрьевичу от этой улыбки стало не по себе.

А Леонид Курмышов хохотал искренне и задорно.

– Илюха, это кого же ты на дуэль собрался вызывать? Ты будешь мстить, и мстя твоя будет страшна, да?

Горбатовский недобро ухмыльнулся, но Леонид, похоже, ничего не замечал и вообще на свой счет не принял. Однако открытого конфликта допускать нельзя, решил Сотников, довольно и того, что он давно уже тлеет в скрытом виде.

– Кто заказчик, Илюша? – спросил он.

– Мужчина, лет сорок пять – сорок семь, денежный, хочет сделать дочке подарок на двадцатилетие, – спокойно ответил Илья Ефимович.

– Ну вот, теперь все понятно, – сделал вывод Сотников. – У Лермонтова ссора Печорина с Грушницким произошла из-за чести дамы, вот заказчик, вероятно, даря своей молоденькой дочери такое изделие, и хотел сказать, что не позволит никаким проходимцам сделать ей больно. Ведь так, Илюша?

Горбатовский долго молча смотрел на Сотникова, потом кивнул.

– Да, конечно, ты прав, как всегда. Именно это заказчик и хотел.

«Что ж, – подумал Алексей Юрьевич, – Илюша быстро сориентировался, но ответил неудачно. Вся Москва знает: если ты хочешь изделие с посланием, надо идти к Сотникову. А уж никак не к Горбатовскому. Но Лёня и этого не заметил.

Ах, Лёня, Лёня! Есть ли в этом городе хоть один человек, которому ты на ногу не наступил? Илюша имеет на тебя зуб из-за дочери, которой ты морочишь голову уже десять лет, Олег Цырков тоже на тебя заковырял, хоть и не доказано ничего, но подозрения остались, да и по отношению ко мне у тебя непреходящее чувство вины за то, что ты натворил. Плохо ты поступил со мной, что и говорить, Лёничка, но я тебя давно простил, хоть ты, может быть, в это и не веришь. Ты расплатился сполна за свой поступок. Ладно, я-то простил, а вот простил ли Цырков? И сможет ли простить Илюша, особенно если с Каринкой что-то не так?»

Глава 2

Осмотром места происшествия руководил дежурный следователь, здесь же толклись оперативники из дежурной группы. Роман Дзюба, молодой, энергичный и любознательный, рванул было к следователю докладываться о том, что, дескать, сотрудники территориального отдела внутренних дел прибыли, но более опытный Геннадий Колосенцев придержал его за рукав куртки.

– Не торопись, Ромчик, там и дежурантов хватает. Давай осмотримся, пока следак нас не приметил, а то сразу заданиями нагрузит.

Дежурный следователь стоял к ним спиной, держа в руках папку, и записывал в протокол то, что диктовал ему присевший на корточки рядом с трупом судебно-медицинский эксперт:

– ...ранение подвздошной области по передней срединной линии тела... второе колото-резаное ранение области правого подреберья.

– Кровищи-то! – прошептал Дзюба.

– Ну а ты думал, – отозвался Колосенцев. – Слышал, что эксперт сказал? Ранение области правого подреберья – одно из самых кровавых, там же печень, так что если ее задеть, то, сам понимаешь. После таких ранений не выживают.

Труп женщины лежал в луже крови в подъезде самой обыкновенной панельной девятиэтажки. Женщина одета просто и дешево, рядом валяется раскрытая сумка типа кошелки, дешевая, явно выдавшая виды, по полу разбросано содержимое, обычные женские мелочи: расческа, упаковка бумажных платков, какие-то таблетки, пакетики с ванилью и корицей, форма для торта – сумка была настолько объемной, что даже форма туда влезла. Кошелек нет, мобильного нет. Судя по содержимому сумки, женщина сходила в магазин за специями, взяла у кого-то попользоваться форму для торта и возвращалась домой, значит, она жиличка этого дома.

– Сейчас на поквартирный обход зарядят, – прошептал Колосенцев. – Вот сто пудов.

Следователь, будто услышав шепот оперативника, резко обернулся, нахмурился и кивнул вновь прибывшим.

– Долго вас ждать приходится, – недовольно буркнул он. – Сейчас по квартирам пойдете.

– А что, личность не установлена? – поинтересовался Колосенцев. – Документов при ней нет?

Следователь молча протянул ему паспорт убитой и снова повернулся к судебному медику. Геннадий открыл паспорт и принялся его листать.

– Панкрашина Евгения Васильевна, тысяча девятьсот пятьдесят шестого года рождения, прописана... а вот прописана она вовсе и не здесь, – заметил он. – Так что в обходе нет никакого смысла.

– Это ничего не значит, – проговорил следователь, не оборачиваясь и не прекращая писать протокол осмотра трупа. – Сегодня мало кто живет по месту прописки, снимают жилье, покупают другое, переезжают... Короче, надо идти по квартирам. И не отлынивай, Колосенцев. Знаю я тебя.

Роман Дзюба отвел глаза и горестно вздохнул. В словах следователя была, увы, сермяжная правда: работать Гена Колосенцев умел очень хорошо, но не любил. Ну вот просто совсем не любил! Ни на грамм. Любил он только онлайн-игры, особенно стрелялки, за которыми проводил все свободное время, включая и ночные часы, из-за чего постоянно хотел спать и вообще хотел побыстрее закончить работу и бежать домой к любимому компьютеру. Роман давно уже подозревал, что пристрастие его старшего товарища носит болезненный характер и называется игроманией, но вслух этого никогда не произносил: Геннадия он уважал, старался у него учиться премудростям профессии и относился к нему с огромным пиететом.

– А чем ее?.. – осторожно спросил Роман Дзюба. – Орудие убийства нашли?

– Да здесь оно. – Следователь махнул рукой в сторону эксперта-криминалиста. – Упаковали уже.

Следственно-оперативная группа работала в подъезде, а на лестнице постепенно скапливались привлеченные шумом и суматохой жильцы. Было их не очень много – будний день, время чуть за полдень, большинство на работе или учебе. Дзюба и Колосенцев начали с опроса тех, кто сам вышел из квартир. Убитую женщину никто из них не знал. Дама средних лет, протиснувшись вниз по лестнице, вытянула голову, желая взглянуть на труп, и, испустив истошный вопль, рухнула без сознания.

Через несколько секунд где-то наверху хлопнула дверь, послышался звонкий девичий голос:

– Что случилось? Кто там кричит?

Колосенцев, стоявший вместе с Дзюбой в этот момент между вторым и третьим этажами, громко крикнул в ответ:

– А вы спуститесь к нам, пожалуйста! У нас срочное дело! – Он лукаво посмотрел на Романа и добавил едва слышно: – Если есть возможность не ходить к свидетелю, а вызвать его к себе, надо пользоваться. Учись экономить усилия. – Колосенцев задрал голову и снова громко закричал: – Только не ждите лифт, спускайтесь пешком, лифт заблокирован!

Через пару минут сверху послышались шаги нескольких пар ног: обладательница звонкого голоса, похоже, вела с собой целую делегацию. Так и оказалось: девушка, прехорошенькая блондинка с пышными формами, шла первой, за ней женщина за пятьдесят, очень на нее похожая, такая же пышная и светловолосая, явно мать, и еще пара – мужчина с женщиной лет около сорока пяти.

– Скажите, пожалуйста, вам что-нибудь говорит имя «Евгения Васильевна Панкрашина»? – начал Колосенцев.

– Тетя Женя? – тут же откликнулась девушка. – Ну да, мы ее знаем. А что?

Она была, вероятно, очень наивна и видела пока еще мало страшного, поэтому плохие мысли если и приходили в ее хорошенькую головку, то далеко не сразу. А вот мать ее оказалась куда прозорливее. Не сводя глаз с Колосенцева, она начала бледнеть и сползать по стенке.

– Что с Женей? Почему кричали? Вы кто? Вы из милиции?

Но надо отдать ей должное – сознание женщина не потеряла, удержалась, хотя ноги у нее подгибались, и назад в свою квартиру на восьмом этаже она поднялась с большим трудом: Дзюбе и Колосенцеву пришлось поддерживать ее с двух сторон, буквально на себе тащить. Девушка действительно оказалась ее дочерью, а спустившиеся вместе с ними супруги – соседями из расположенной рядом квартиры.

Минут пятнадцать ушло на то, чтобы подействовали лекарства, которые девушка по имени Светлана Дорожкина накапала матери, Татьяне Петровне, после чего последовал сбивчивый и прерываемый слезами рассказ, суть которого сводилась к следующему.

Женечка, то есть Евгения Васильевна Панкрашина, с которой Татьяна Дорожкина дружит больше двадцати лет, шла к ним. Через неделю у Светы день рождения, ей исполняется 25 лет, она хочет собрать подружек, а Женечка умеет печь какой-то совершенно необыкновенный торт, знает секреты. Она никогда не отказывала, если просили дать рецепт, многие пробовали делать, и сама Татьяна тоже пробовала, но никогда и ни у кого не получалось так вкусно и так красиво, как у Евгении. Есть секреты не только рецептуры, но и процесса изготовления. И Женя обещала прийти сегодня в первой половине дня и показать, как и что она делает, чтобы Дорожкины посмотрели своими глазами. Соседка Дорожкиных, которой тоже довелось как-то попробовать Женечкин торт, захотела попристутствовать, пришла, сидела у них, ждала вместе с ними Женю, ее муж заходил несколько раз – интересовался, когда супруга вернется в семейное лоно. Женя обещала приехать к одиннадцати часам, они сидят и ждут, ждут, а ее все нет и нет. Вот услышали шум и спустились. А там...

– Господи, какой ужас, Женечка, какой ужас, – без конца повторяла Татьяна Петровна Дорожкина, всхлипывая и утирая слезы бумажной салфеткой. – Кто мог ее убить?

– Да обычное дело. – Колосенцев пожал плечами. – Убийство с целью ограбления. Ни кошелек, ни мобильника нет. Значит, это и есть причина преступления. Из-за них и убили.

– Как?.. – Татьяна Петровна с трудом выговаривала слова. – Как Женю?..

– Ножом. Два удара спереди, – хладнокровно ответил Геннадий.

– А колье? – спросила хорошенькая Светлана. – Колье нашли?

– Какое колье? – насторожился Колосенцев. – Ну-ка быстренько выкладывайте все, что знаете. Какое такое колье?

Светлана испуганно посмотрела на мать, а та принялась объяснять:

– Ну как же, у Женечки с собой должно было быть кольцо. Она позавчера его взяла напрокат, потому что ей вчера нужно было быть на каком-то важном мероприятии, а своих драгоценностей у нее нет. Вот она и взяла напрокат, на два дня, а сегодня должна была его вернуть. Мы так и договаривались с ней: с утра она приедет к нам, испечет торт, мы все посмотрим, поучимся, а от нас она поедет сдавать кольцо.

Рыжеволосый крепыш Роман Дзюба, присев за стол, быстро записывал показания в блокнот: это всего лишь опрос, потом этих свидетелей допросит следователь уже под протокол.

– Позавчера – это, стало быть, в понедельник, девятнадцатого ноября, – уточнил Дзюба, которого Колосенцев с первых же дней работы учил записывать показания дословно и тут же делать уточняющие пометки, иначе потом с этими «вчера», «три дня назад» или «в соседнем доме» греха не оберешься. Зафиксировал то, что сказал опрашиваемый, – спроси точную дату или адрес.

– Ну да, – кивнула Татьяна Петровна. – В понедельник она взяла кольцо напрокат, потом приехала к нам в гости.

– А мероприятие, на котором она должна была присутствовать, было вчера, двадцатого ноября, во вторник?

– Да-да, вчера.

– А сдавать кольцо она собиралась именно сегодня? Не завтра? Не послезавтра?

– Нет-нет, Женя точно говорила, что сегодня, она даже время рассчитывала с учетом этого. Она сказала, что приедет к одиннадцати утра, на торт ей нужно будет часа четыре, это, значит, до трех, но она посчитала с запасом – до четырех, и еще говорила, что если в четыре выйдет от нас, то нормально всюду успеет.

Колосенцев стоял, привалившись спиной к мебельной стенке, явно пережившей и брежневский застой, и горбачевскую перестройку. Так, началось... Новые обстоятельства Придется приспособливаться к ситуации. Может, хоть чаю нальют, Ромчик, поди, опять голодный – новые осложнения в работе.

«Теперь отсюда быстро не уйти», – подумал Геннадий с сожалением.

– Света, а вы нас чаем не угостите? – обратился он к девушке. – Разговор у нас, судя по всему, будет долгим.

– Может, вы кушать хотите? – любезно спросила Дорожкина-младшая.

– Ну, если дадите что-нибудь, будем признательны, – ответил оперативник, бросив насмешливый взгляд на Романа, который немедленно смутился и, как большинство рыжеволосых людей, сделался пунцовым.

Геннадий был красив и нравился девушкам, чем он и пользовался совершенно беззастенчиво. Светлана, несмотря на только что пережитый шок, кокетливо улыбнулась ему и отправилась на кухню.

Геннадий убедился, что Дзюба сидит с открытым блокнотом и все записывает, и задал следующий вопрос:

– Куда Панкрашина должна была ехать сдавать кольцо?

– Ну, я не знаю, где она его взяла, – растерянно проговорила Татьяна Дорожкина. – Она же сказала, что взяла напрокат. Я понятия не имею, где можно взять украшения напрокат. Я даже вообще не слышала, что такое возможно. Вот от Женечки только узнала.

– А что за кольцо? Она вам говорила?

– Да мы его видели, она как раз к нам заехала чайку попить по дороге из этого пункта проката. И кольцо показала. Мы его рассматривали, даже примеряли.

– Мы? Кто это – мы? Сколько вас было?

– Мы с дочерью, – робко пояснила Дорожкина. – Со Светочкой. Мы обе были дома.

– Опишите его, пожалуйста.

Краем глаза он следил за тем, как фиксирует показания в своем блокноте Роман, и с удовлетворением отмечал, что тот пока все пишет правильно: «Изделие из желтого металла с камнями красного, синего, желтовато-коричневого цвета и бесцветными». Ромка еще молодой, неопытный, пишет – и вслух произносит. Конечно, обе услышали – и мамаша, и дочка, вернувшаяся из кухни с черно-цветным жостовским подносом, на котором стояли чашки, чайник, сахарница и тарелка с бутербродами.

– Что это вы такое пишете? – возмутилась Светлана. – Вам же ясно говорят: рубины, бриллианты, сапфиры, топазы, золото. А вы что?

Роман, не глядя, протянул руку к тарелке, принесенной Светланой из кухни, и взял бутерброд. Он все время хотел есть. И если первые пару лет работы в уголовном розыске еще носил из дома коробки и пакеты с бутербродами и пирожками, которые постоянно жевал, то теперь начал стесняться и стоически терпел муки голода. Однако при любой возможности сметал все, что попадалось под руку.

– Так положено, – объяснил Геннадий, с нескрываемой насмешкой глядя на молодого напарника. – Все считается металлом и камнями какого-то определенного цвета, пока эксперты не установят, что это за камни и что за металл. Может, это стразы, бижутерия. И даже скорее всего это именно так и есть. Вы же не ювелиры, разве вы на глазок можете определить, что вам показывают?

– Но Женя сказала... – осторожно попыталась возразить Дорожкина-старшая.

– Ну и вы говорите, – усмехнулся Колосенцев. – Откуда у вашей подруги может быть такое украшение? Вы что же думаете, его напрокат за три копейки отдадут? Наверняка потребуют залог в размере полной стоимости изделия, а оно стоит огромных денег, если там все так, как вы мне тут рассказываете. Откуда у нее такие деньги? Она что, подпольная миллионерша? И она везла такое дорогое кольцо в сумке на метро?

– Нет, у нее муж богатый и вообще...

– Какой еще муж?

– Ну как же, Игорь Панкрашин, он создал фонд помощи детям, он крупный бизнесмен, у него денег много. И не на метро Женечка ездила, не думайте, ее водитель возил. Ей Игорь машину с водителем дал.

– Не смешите меня, – фыркнул Колосенцев. – Как у такого человека может быть такая жена? Наверняка они просто однофамильцы.

– Да нет, что вы, – горячо и торопливо заговорила Татьяна Петровна. – Мы Игоря знаем с молодости, мы с Женечкой вместе работали в одной организации много лет, дружили семьями, еще при советской власти, пока Игорь бизнесом не занялся и не разбогател. Тогда уж я перестала к Жене в гости приходить, только она ко мне.

Колосенцев открыл паспорт убитой и внимательно изучил штамп о регистрации брака. Все совпадает, зарегистрирован брак с Панкрашиным И. Н. И все равно он сомневался.

– Почему ваша подруга так странно одета?

– Почему странно? – В голосе Татьяны Дорожкиной звучало неподдельное удивление. – Нормально она одета, как всегда одевалась. Да мы все так одеваемся. Что не так-то?

– Да все не так, Татьяна Петровна, уважаемая! – с досадой произнес оперативник. – Если у нее такой состоятельный муж, то почему у нее нет своих украшений? Почему на ней пуховик, купленный в дешевом магазине, и ботинки, так хорошо поношенные, что даже трудно понять, в каком году их сделали. Не бывает у бизнесменов и руководителей фондов таких жен. Вы уж меня простите, не хочу лично вас обидеть, но мне нужно установить истину, а все, что вы мне тут рассказываете, на истину как-то мало похоже.

Татьяна Дорожкина принялась многословно объяснять, что Женя всегда такой была, украшения не носила, дорогую одежду не покупала, ей не надо. Трудно в это поверить, но это именно так. Она настоящая жена и мать, для нее главное – семья, дети, у них с Игорьком четверо детей и трое внуков, она привыкла нянчиться и заниматься хозяйством и воспитанием, а не цацками и шмотками.

Колосенцев вздохнул: ох, уж эти бабы! Вечно у них голова какой-то дурью забита... Вот ведь лепит черт знает что – и сама в это верит. Более того, надеется, что и другие поверят. Но раз у Панкрашиной было с собой кольцо, то вполне возможно, именно оно и было истинной целью преступника, а не кошелек и не мобильный телефон. Значит, в первую очередь под подозрение должны подпасть те, кто знал, что у потерпевшей должно было быть с собой украшение. Настоящее или нет на самом деле – вопрос десятый, главное, что она всех уверяла, будто оно настоящее, стало быть, преступник тоже должен был в это поверить. Первые подозреваемые – члены семьи убитой женщины, но это как-то уж совсем маловероятно: зачем убивать мать, если у отца денег куда больше? Вторые – мать и дочь Дорожкины. Но они твердят, что сидели в квартире безвылазно, и это подтверждают соседка и ее муж. Конечно, убедительно, но кое-что не вяжется.

– Вот Панкрашина позвонила в домофон, – вкрадчивым голосом начал Геннадий. – Вы ей открыли дверь подъезда, а она не поднялась в квартиру. Почему вы не забеспокоились? Почему не вышли на лестницу? Почему сидели дома до тех пор, пока не услышали шум и голоса в подъезде? Ведь прошло уже очень много времени.

Татьяна Дорожкина смотрела на него растерянно и недоуменно.

– Но Женя никогда не звонила в домофон, она давно уже знала код и открывала дверь всегда сама.

Жаль. Такая хорошая была зацепка, можно было вставить в маленькую щелочку остренький клинышек и расколоть... Не получилось. Ладно, будем действовать дальше.

Оперативники поблагодарили свидетелей и направились к выходу из квартиры. Роман Дзюба, заливаясь краской смущения, все-таки утащил с тарелки последний бутерброд с сыром и дожевывал его уже на ходу.

– Смотри, что у нас получается, – говорил Геннадий, пока они шагали по лестнице с восьмого этажа на первый, поскольку лифт по-прежнему был заблокирован, чтобы спускающиеся сверху жильцы не мешали работать следственно-оперативной группе. – С Дорожкиными мы пролетели. Следующий подозреваемый – водитель, который наверняка знал, что хозяйка позавчера

ездила в бутик за колье и сегодня должна была его возвращать. Он привез ее к Дорожкиным, зашел вместе с ней в подъезд, убил, забрал колье и уехал. Так что давай-ка, Ромчик, связывайся с мужем потерпевшей, выясняй личность водителя. И кончай жрать в таких количествах, скоро в дверь пролезать не будешь. Или ты надеешься, что Ленка на тебя внимание обратит за твою необыкновенную сущность? Ленка обычная девчонка, не лучше и не умнее других, ей фактурку подавай, а не богатство душевных качеств. Девочки любят красивых и успешных, а не толстых и смешных, учти это. На твоём месте я бы уже давно или сбросил вес, или перестал париться по поводу Ленки. А то дождешься – я ее уведу, ты ведь наверняка заметил, какими глазами она на меня посматривает. Уведу и брошу через месяц. Нужна она тебе будет обещанной и брошенной, как в старину говорили?

Дзюба надулся. Уже два года он безответно страдает по Лене Рыженко, дочке Надежды Игоревны, следователя из следственного комитета. А Лене нравится Генка Колосенцев, томный красавец, который к ней совершенно равнодушен, его вообще ничего, кроме игр, не интересует. И хотя девушка Геннадию не нужна и не интересна, он не упускает возможности позлить Романа и вызвать в нем жгучую ревность.

Офис Игоря Николаевича Панкрашина находился в многоэтажном деловом центре. В приемной кроме секретаря сидел мужчина в куртке, лицо его было напряженным и бледным, пальцы рук судорожно сцеплены на колене.

– Мы из уголовного розыска, – представился Колосенцев. – Вам должны были звонить...

– Да-да. – Секретарь, дама средних лет и очень делового вида, явно была не в своей тарелке: видно, печальная весть о гибели жены босса уже облетела всех. – Вы подождите, пожалуйста, Игорю Николаевичу стало плохо с сердцем, мы вызвали врача из медпункта... Он велел найти водителя Евгении Васильевны, вот он сидит. – Она кивнула в сторону мужчины в куртке.

Водитель при этих словах встrepенулcя и поднял на оперативников полные ужаса глаза.

– Бери водителя, – скомандовал Колосенцев Дзюбе. – А я подожду, пока к Панкрашину можно будет войти. – Он тут же послал секретарю одну из самых своих располагающих улыбок и осведомился: – У вас найдется где-нибудь местечко, чтобы мой коллега мог побеседовать с водителем?

– Я открою вам переговорную, она сейчас свободна, – кивнула секретарь.

Роман вошел в просторную, хорошо проветренную комнату и уселся в торце длинного стола. Следом протиснулся водитель, его трясло так, что он с трудом двигался. Замерев на секунду в дверях, он неверным шагом проследовал к противоположному концу стола.

– Не нужно садиться так далеко, – мягко проговорил Дзюба. – Иначе нам придется кричать. Садитесь поближе.

Минут десять ушло на то, чтобы водитель по фамилии Шилов пришел в себя и обрел способность говорить более или менее внятно. Опыт оперативной работы у Дзюбы был хоть и невелик – три года всего, но уже вполне достаточен, чтобы понимать: при разговоре с сотрудником полиции человек может страшно нервничать по множеству причин, и причастность к преступлению – только одна из них. Только одна. Ее нельзя сбрасывать со счетов, но нельзя и забывать о других возможных причинах.

«Никогда не дави на фигуранта, когда разговариваешь с ним в первый раз, – учил его Гена Колосенцев. – Даже если у тебя полные карманы доказательств, даже если ты сто раз уверен в его виновности. Соблазн расколоть преступника с первого движения очень велик, особенно в молодости, этому соблазну и многие старики опера не умеют противостоять. А поддаваться этому соблазну нельзя ни в коем случае. Это тактически неграмотно. Первый разговор всегда должен быть мягким, спокойным, доброжелательным. Дай человеку расслабиться. Если он невиновен – значит, все в порядке. А уж если виновен – потеряет бдительность и еще кучу доказательств против себя тебе же на блюдечке и поднесет. Чем больше доказательств – тем лучше, и следаки довольны, и наши начальники, и суд к нам претензий иметь не будет».

– Я привез Евгению Васильевну к одиннадцати утра к ее подруге в район Речного вокзала, она туда часто ездила, – твердо заявил Шилов. – Она спросила меня, когда нужно выезжать из дома, чтобы быть на Речном не позже одиннадцати, я

посчитал, прикинул трафик в это время дня, и мы договорились, что я подам машину в девять сорок пять утра. Евгения Васильевна вышла вовремя, я ее отвез на Речной и уехал. Она велела забрать ее с Речного в шестнадцать часов. Больше ничего не знаю.

- Панкрашина сказала вам, куда вы поедете в шестнадцать часов с Речного?

- Нет, не сказала. Она никогда не говорила о своих планах. Но я так понял, что домой будем возвращаться.

- Значит, о планах она не говорила, - задумчиво повторил Роман. - А о чем говорила? Вы вообще о чем-нибудь разговаривали с ней?

Шилов пожал плечами, в глазах мелькнула горькая усмешка.

«Ну, слава богу, - подумал Дзюба. - Хоть какое-то чувство помимо страха».

- Ни о чем мы не говорили. Евгения Васильевна всегда молчит в машине, со мной не разговаривает. Они с Игорем Николаевичем оба такие, его водитель тоже говорит, что он молчит всегда, даже по телефону ни с кем не разговаривает долго, только «да», «нет», «перезвони попозже», «хорошо, договорились». Я знаю, такие пассажиры встречаются, напуганы тем, что водители всегда все слышат, всегда все знают и в случае чего могут сдать. Он, видно, и Евгению Васильевну так научил.

- Вы единственный водитель у Панкрашиной? Или есть второй, сменный?

- Нет, я один работаю. Через день, как положено.

- А почему так? - поинтересовался Дзюба.

- По нормативам одну машину должны обслуживать два водителя, - принялся разъяснять Шилов, окончательно успокаиваясь: речь зашла о хорошо знакомой и вполне безопасной материи. - Но Евгения Васильевна сказала, что платить зарплату двум водителям - слишком расточительно, никакой необходимости в этом нет, пусть работает только один, она будет пользоваться машиной через день, ее это вполне устраивает.

- Понятно. А если все-таки возникала нужда куда-то съездить в ваш нерабочий день?

- Ну... - Тут Шилов даже рискнул улыбнуться. - У Игоря Николаевича есть водители, он всегда даст машину, если сам на ней никуда не едет.

- А если едет? - продолжал допытываться Роман.

- Так дети же, трое взрослых, все на колесах, - развел руками Шилов. - Если что-то срочное, они всегда помогут.

- Хорошо, а позавчера, в понедельник? Вы работали?

- Ну да, позавчера и сегодня, вчера был выходной.

- Расскажите мне подробно, когда и куда вы ездили с Панкрашиной девятнадцатого ноября, в понедельник.

- Позавчера... Я возил Евгению Васильевну туда же, на Речной вокзал, к подруге.

- Когда?

- К пятнадцати часам плюс минус десять минут.

- Когда забрали пассажирку?

- Около девятнадцати часов. Нет, чуть позже. Евгения Васильевна сказала, чтобы я приехал к девятнадцати часам. Я приехал и еще ждал сколько-то, минут двадцать-тридцать, наверное. Она вышла, я повез ее домой.

- А в какой бутик вы ездили в понедельник?

Дзюба не считал себя сильным физиономистом, но готов был в этот момент голову прозакладывать: водитель Шилов абсолютно не понимал, о чем его спрашивают.

– Ни в какой, – растерянно протянул он. – Мы вообще никуда не ездили, кроме Речного. И не останавливались нигде. Я посадил Евгению Васильевну около половины второго возле ее дома и отвез на Речной вокзал к пятнадцати часам, примерно в половине восьмого забрал и отвез домой. Ни в какие бутики и вообще ни в какие магазины она не ездила.

Вот как интересно! А где же она взяла кольцо, которое показывала своей подруге Дорожкиной и ее дочери? Где, если никуда не ездила, нигде не останавливалась и вообще из машины не выходила? Из дома привезла? Вариант, но тухлый: зачем везла украшение к подруге? Похвастаться? И где Панкрашина вообще его взяла, кольцо это, будь оно неладно? И зачем солгала Дорожкиной, сказав, что «сегодня взяла напрокат»? Может, конечно, и напрокат, но только явно не «сегодня», то есть не в понедельник, 19 ноября. Какой смысл в этой маленькой лжи, такой на первый взгляд невинной?

Или все-таки лжет водитель Шилов?

– А куда вообще вы ездили с Евгенией Васильевной?

– Только к ее подружкам, в магазины, на рынок, в поликлинику, еще, конечно, к детям, которые живут отдельно. В смысле – трое старших, у них свои семьи, а младшая девочка еще с родителями живет, в школе учится.

– Хорошо. – Роман перевернул плотно исписанную страницу блокнота. – Куда вы поехали от дома Дорожкиной сегодня утром?

Похоже, фамилию Татьяны Петровны Дорожкиной водитель тоже слышал впервые.

– От какого дома? – переспросил он.

– На Речном вокзале живет подруга Евгении Васильевны, ее фамилия Дорожкина, – невозмутимо пояснил оперативник. – Вы не знали?

– Нет. Я же говорю: Евгения Васильевна со мной почти не разговаривала, только маршрут говорила и время, когда за ней приехать.

Да, судя по всему, в этом пункте Шилов не врет. Ничего-то он о своей пассажирке не знает.

- Так куда вы поехали, когда высадили Панкрашину на Речном вокзале возле дома ее подруги?

- На базу вернулся. В гараж. Так положено.

- Кто вас там видел? Кто может подтвердить, что вы там были?

- Да все. Мы же отмечаемся, когда въезжаем и выезжаем, в журнале точное время ставят.

Ну, на то, чтобы убить, много времени не нужно. Зашел вместе с Панкрашиной в подъезд, ударил ножом, забрал ценности и... Что? Вернулся в гараж как ни в чем не бывало? Имея при себе деньги, мобильник и кольцо с трупа? Маловероятно. Он должен был их куда-то отвезти и спрятать, а на это нужно время. Хотя бы полчаса, чтобы с учетом наших пробок сделать маленький крючок в маршруте. А может быть, место, где он спрятал похищенное, находится где-то по дороге от Речного к гаражу, и тогда никакого крюка делать не надо. Ладно, никуда он не денется, все проверим.

- Вспомните, пожалуйста: вот Евгения Васильевна вышла из машины...

- Ну, - кивнул Шилов.

- Подошла к подъезду...

- Ну.

- И позвонила в домофон, - коварно продолжил Роман. - Ей сразу открыли? Долго она ждала, прежде чем войти в подъезд?

- Она вообще не ждала, - чуть удивленно проговорил Шилов. - Подошла к двери и сразу стала кнопки нажимать, потом дверь на себя потянула.

- Кнопки? - переспросил Дзюба. - Или только одну кнопку - кнопку вызова?

- Да нет же, она код набирала, это точно. Она у всех своих подруг коды домофонов знала, я давно внимание обратил и еще удивлялся поначалу: такая обыкновенная с виду женщина, а столько цифр в памяти держит.

Значит, Татьяна Дорожкина сказала правду: о том, что Панкрашина вошла в подъезд, она не знала. Ладно, продолжим.

- Не видели ли вы кого-то подозрительного возле подъезда? Не видели ли, чтобы кто-то заходил в подъезд следом за Евгенией Васильевной?

- Нет, никого не видел.

- Где находится ваш гараж?

- Здесь же. - Шилов указал рукой почему-то в пол. - Подземный гараж под этим зданием.

Дзюба попросил его описать маршрут, которым Шилов двигался от Речного в гараж, после чего вместе с водителем спустился на «минус первый» этаж, чтобы проверить его показания и посмотреть журнал учета въездов-выездов. Все точно, машина въехала ровно через сорок восемь минут после того, как из нее вышла Панкрашина. Для такого маршрута время очень удачное, если не повезет, можно и два с половиной часа ехать, а по свободной дороге чистой езды минут пятнадцать-двадцать.

Роман был недоволен собой. С одной стороны, получалось, что Шилов к убийству отношения не имеет. А с другой - ничего стопроцентно оправдывающего его тоже не нашлось. Если продолжать разрабатывать эту версию, то нужно искать свидетелей, которые видели, как подъехала машина и как вышла Панкрашина, и спрашивать у них, не выходил ли из машины следом за пассажиркой и водитель. Камер наблюдения на этой обычной «панельке» не водилось, так что все придется делать «вручную». Тот еще геморрой! То есть сам Роман Дзюба был готов выполнять и эту, и в десять раз более трудоемкую работу, но вот Генка... Если предложить ему поискать таких свидетелей, он своего младшего напарника просто придушит.

Отправив Дзюбу опрашивать водителя, Геннадий Колосенцев уселся в приемной поудобнее, оперся затылком о стену и моментально уснул. Он умел засыпать в любой обстановке, урывая для отдыха хоть по две-три минутки, потому что спать хотел так же постоянно, как Ромчик Дзюба хотел есть. На этот раз проспять удалось недолго: через несколько минут из кабинета Игоря Панкрашина вышел врач. Колосенцев потянулся, сладко зевнул и направился к мужу убитой женщины.

Сильный запах сердечных лекарств буквально оглушил Геннадия, даже дыхание на какой-то момент остановилось. Игорь Николаевич Панкрашин полулежал на диване, очень бледный, лоб в испарине, галстук распушен, сорочка расстегнута до середины груди.

С трудом повернув голову в сторону вошедшего в кабинет Колосенцева, он тут же признал в нем полицейского и умоляюще забормотал:

– Скажите мне, что это неправда. Вы ведь ошиблись, да? Это не Женю убили, это кого-то другого с такой же фамилией... У меня же фамилия не редкая, обычная русская фамилия, ничего особенного, людей с такой фамилией сотни тысяч...

Он уговаривал сам себя, пытаясь при помощи слов превратить страшную реальность просто в дурной сон, который, конечно же, закончится, и все снова станет, как прежде. Колосенцев с этим часто сталкивался и знал, как себя вести в таких случаях.

Через несколько минут Геннадий начал задавать вопросы. Игорь Панкрашин, в уже застегнутой сорочке, но по-прежнему с ослабленным галстуком, сидел, ссутулившись, на диване и рассказывал о своей погибшей жене. Геннадий слушал, не перебивая. Потом спросил про украшение.

– Да, кольцо было. – Бизнесмен безучастно кивнул. – Женя сказала, что взяла его в бутике, дающем украшения напрокат. Я не понимал, почему нельзя было купить украшение, я же дал ей денег, достаточно вполне, чтобы что-то приличное купить, а она опять решила сэкономить и взяла напрокат. Лучше, говорит, Оксанке что-нибудь куплю в подарок, чем на побрякушки тратиться. Никак она не привыкнет к тому, что денег в семье достаточно.

– Кто такая Оксанка? – поинтересовался оперативник.

– Старшая внучка. У нас ведь четверо детей и внуков уже трое.

– Кто еще из членов вашей семьи знал про то, что Евгения Васильевна принесла колье? Кому она об этом говорила? Кому показывала? Может, детям, или соседкам, или подругам?

Панкрашин вяло пожал плечами, глаза у него были больными, и вообще заметно, как плохо он себя чувствует.

– Я понятия не имею, кому она могла сказать об этом по телефону, а домой к нам в тот день никто из детей не приходил, кроме Ниночки, но она с нами живет, поэтому... Ниночка колье видела, это точно.

Внезапно губы его сжались, лицо отвердело, спина выпрямилась.

– А почему вы спрашиваете? Неужели вы подозреваете?.. Да как вы смеете! – Игорь Николаевич повысил голос, мгновенно превратившись из больного и раздавленного горем человека в босса, руководителя. – Вы что же думаете, если дети приемные, то они меньше любят своих родителей, чем родные? Как у вас вообще язык повернулся такое спросить?

Вот тебе здарсьте! Дети приемные? Это интересно. Дорожкина об этом отчего-то не упоминала. Конечно, тайна усыновления и все такое, она могла и не знать, а если и знала, то не имела права разглашать первому встречному. Но тогда почему сам Панкрашин говорит об этом совершенно открыто? Родители приемных детей так себя не ведут.

– А что, дети приемные?

Панкрашин кивнул.

– Двое. Сначала родились сын и дочка, а когда они подросли, мы взяли мальчика десятилетнего, а потом Ниночку, ей было восемь лет.

Надо же, как странно! Насколько Колосенцев был в курсе, приемные родители стараются взять совсем маленьких деток, младенчиков, которые будут считать себя родными. А тут десять лет, восемь...

– Игорь Николаевич, а почему вы брали таких больших детей? – спросил он с любопытством. – Обычно же стараются взять малышей, чтобы ребенок вообще не знал, что он приемный.

Панкрашин покачал головой, то ли отрицая то, что сказал Геннадий, то ли возражая какому-то невидимому собеседнику.

– Мы такую задачу не ставили перед собой. Пусть ребенок знает, что мы не родные, какая разница? Младенцев берут, когда хотят ребенка для себя, чтобы было существо, которое будет тебя любить как родного и которое ты можешь считать своим. Такое эгоистическое побуждение, не всегда, конечно, но довольно часто. А мы брали детей просто потому, что финансовое положение позволяло дать счастливое нормальное детство, образование и профессию обездоленному ребенку. И какая разница, сколько ему лет? Вот Ниночка уже выросла, на будущий год в институт будет поступать, и мы с Женей подумывали взять еще ребенка, силы есть, здоровьем не обижены, детей оба любим.

И хотя Колосенцев не понял до конца то, что сказал Панкрашин, ему отчего-то вдруг стало неловко, и он снова заговорил о колье:

– Колье, которое ваша жена принесла из проката, было дорогим?

– На вид – да, весьма и весьма, – равнодушно произнес Игорь Николаевич. – Камней много.

– Евгения Васильевна сказала, сколько оно стоит?

– Нет, я не спросил. Это ведь не имело значения. Она сказала, что аренда колье на двое суток обошлась недорого. Какая разница, сколько стоит вещь, если ее не покупаешь?

Что ж, резонно.

– А вы можете на глаз отличить настоящие камни и золото от подделки?

– Конечно, нет, я ведь не ювелир, не специалист. Да я и не рассматривал особо это колье, мне Женя показала, я глянул, убедился, что вид у него более или

менее достойный для того мероприятия, на котором мы должны были присутствовать, спросил, сколько стоит, думал, что она его купила, но Женя сказала, что взяла напрокат и за аренду заплатила совсем недорого, вот, собственно, и все. Помнится, пожурил Женечку за то, что она экономит, но... Мы не поссорились из-за этого. Я колье даже в руки не брал. А что, есть основания думать, что оно поддельное?

- Нет. - Колосенцев успокаивающе улыбнулся. - Я просто так спросил. Евгения Васильевна говорила вам, где именно, в каком бутике она взяла колье напрокат?

- Не говорила. Мне в голову не приходило, что надо об этом спросить. Какая разница? Такие бутики есть, мне это известно, ими часто пользуются молодые девушки, которые выходят замуж. Своих денег и соответственно драгоценностей еще нет, а хочется выглядеть в день свадьбы... - Он замолчал и отрешенно уставился в окно.

Далее последовали обычные в таких случаях вопросы: числится ли на Евгении Васильевне какая-нибудь собственность? Есть ли у нее собственные средства? Кто мог иметь материальную заинтересованность в ее смерти? Ответы Панкрашина были короткими и точными: собственности у его жены не было никакой. Ничего. Все записано на Игоря Николаевича. И квартира, и дача, и счета. В случае смерти Евгении Васильевны ее дети наравне с ее мужем наследуют причитающуюся ей «супружескую долю», но в этом вряд ли есть какой-то смысл, потому что всех своих взрослых детей Панкрашин опекает, помогает с работой, жильем, образованием и вообще финансирует весьма щедро. Значит, дело совершенно точно в колье, и надо досконально выяснить, кто мог знать о том, что сегодня утром Евгения Панкрашина поедет на Речной вокзал к подруге, имея при себе украшение, которого во второй половине дня при ней уже не будет.

Выйдя из бизнес-центра, оперативники сели в машину Колосенцева. Дзюба с тоской прислушался к себе и понял, что нестерпимо хочет есть. Но придется терпеть, чтобы снова не нарваться на Генкины издевательства, которые, по мере того как накапливалась усталость, становились все более едкими и обидными.

– Куда теперь? – осторожно спросил Роман, втайне надеясь, что напарник тоже проголодался и сейчас предложит заскочить куда-нибудь, где можно быстро, дешево и сердито перекусить.

– А теперь, Ромчик, мы с тобой снова поедem на Речной вокзал к маме с дочкой, к Дорожкиным. Что-то не нравится мне вся эта история. Одно с другим не стыкуется.

«Это верно, – подумал Дзюба. – Не стыкуется».

Они уже успели обменяться информацией, полученной от водителя Шилова и от мужа потерпевшей, и как-то все получалось... Негладко. Шероховато. Значит, надо зачищать концы.

– Ты позвони пока этим Дорожкиным, – скомандовал Геннадий, вырубивая на полосу движения. – Скажи, чтобы сидели дома и никуда не уходили.

– А если их дома нет?

– На мобильные звони, ты же номера записал. Выясняй, где эти квочки, туда и подъедем.

Однако Татьяна Петровна и Светлана Дорожкины оказались дома.

– У мамы сердце... – озабоченно проговорила в трубку девушка. – Боюсь ее одну оставлять. Так что, если вам надо, приезжайте, когда хотите.

Татьяна Петровна лежала на диване, укрытая пледом, но все равно было видно, что на ней та же одежда, что и утром. Глаза ее были красными, видно, что много плакала. А вот Светлана переоделась, теперь на ней вместо свободных домашних брюк и длинной широкой туники надеты обтягивающие джинсики и облегающий джемпер, выставляющий напоказ все несомненные достоинства ее пышного, упругого, крепко сбитого тела.

«Интересно, она ради Генки переоделась или просто так?» – подумал невольно Дзюба.

– Давайте начнем с понедельника, – предложил Колосенцев, когда Роман устроился за столом в комнате и открыл блокнот. – Пожалуйста, как можно подробнее, желательно по минутам. Когда и при каких обстоятельствах вы договорились с Евгенией Панкрашиной о встрече в понедельник, девятнадцатого ноября?

Дорожкина-старшая вздохнула и начала рассказывать. Женя позвонила ей в воскресенье, накануне, и сказала, что хочет приехать в гости к Дорожкиным завтра, то есть в понедельник, после обеда, часика в три. Татьяна Дорожкина имела на понедельник совершенно определенные планы: на пятнадцать часов она была записана в парикмахерскую на стрижку и краску волос, хотела привести голову в порядок ко дню рождения дочери, после чего собиралась ехать в больницу навестить заболевшую родственницу. Визит Женечки в этот график никак не вписывался, о чем Дорожкина с сожалением и сообщила своей давней подруге, предложив перенести встречу на другой день.

Евгения Васильевна отчего-то сильно расстроилась и стала говорить, что в ближайшее время у нее не будет возможности выбраться к Дорожкиной, а она ужасно соскучилась и хочет непременно повидаться. Не может ли Таня отменить свои дела?.. Отменить парикмахерскую и перенести ее на другое время до дня рождения Светланы оказалось невозможным. Мастер, к которому постоянно ходит Татьяна Петровна, работала в понедельник последний день перед декретным отпуском. А больница... Что ж, в больницу можно и во вторник съездить. Стрижка и краска волос занимают обычно около двух часов, поэтому Татьяна Дорожкина уверенно пообещала подруге Женечке, что к пяти часам вечера будет дома.

– У нее в голосе прямо слезы слышались, – говорила Татьяна Петровна, – когда я сказала, что в понедельник занята. Мне так жалко ее стало... В конце концов, дружба дороже собственных планов, правда же? А как она обрадовалась, когда я сказала, что буду дома к пяти часам!

Женщина снова тихонько заплакала, стыдливо пытаясь прикрыть сморщенное, мокрое от слез лицо краешком клетчатого пледа.

– И что было дальше? – невозмутимо спросил Колосенцев. – Вы успели домой к семнадцати часам?

– Да, я где-то без десяти пять пришла, или, может, без пяти. Парикмахерская на соседней улице, я быстро дошла.

– А Евгения Васильевна?

Роман старательно записывал, чувствуя в груди приятный холодок, который всегда появлялся, когда ему казалось, что он с уверенностью может предсказать следующую реплику собеседника. И если реплика оказывалась именно такой, как он ожидал, то в такие мгновения молодой оперативник чувствовал себя необыкновенно прозорливым и обладающим недюжинной интуицией. Он вырастал в собственных глазах. Вот сейчас Татьяна Дорожкина скажет: «Женечка уже была у нас и пила чай со Светой». А если Светланы к пяти часам еще не было дома, то окажется, что Женечка стояла на лестнице возле квартиры и ждала. Никак иначе быть просто не могло, ведь водитель Шилов четко и ясно заявил, что Панкрашина села в машину в половине второго. Около трех он высадил ее перед домом, где живет Дорожкина. В три, а вовсе не в пять. В семнадцать часов Шилов вообще был в гараже, о чем свидетельствуют записи в журнале: въехал в 16.20, выехал в 17.30. За час двадцать минут добрался с Речного до бизнес-центра, за час тридцать минут до назначенного времени выехал за пассажиром на Речной. Все логично. Только непонятно, зачем Панкрашина приехала к подруге в три часа, если ей ясно сказали: раньше пяти Дорожкина дома не появится. И охота была два часа в подъезде торчать! Хотя, может быть, Евгения Васильевна созвонилась со Светланой и, узнав, что та будет дома, приехала пораньше...

Однако того ответа, который дала Татьяна Дорожкина, Роман не ожидал вовсе:

– А Женя пришла минут в пятнадцать шестого.

– Это точно? – вырвалось у оторопевшего Дзюбы. – Вы ничего не путаете?

Колосенцев бросил на него уничтожающий взгляд, дескать, твой номер шестнадцатый, опрос ведет старший и более опытный, а твое, салага, дело – записывать и не высовываться, пока тебе команду не дадут.

– Да ничего мы не путаем! – сердитым голосом вмешалась Светлана. – Я была дома, у меня работа «сутки – трое», в воскресенье я работала, понедельник, вторник и среда – выходные. Так вот, я была дома, мама пришла за несколько

минут до пяти, это совершенно точно, потому что она собиралась в больницу ехать и вернуться поздно, поэтому, когда она пришла, я специально на часы посмотрела: неужели я так время упустила, что вечер наступил, а я и не заметила? И за окном еще не темно было, поэтому я и удивилась и стала время проверять. А мама сказала, что тетя Женя должна к пяти часам прийти.

– И что было дальше? – с нескрываемым любопытством спросил Колосенцев.

– Дальше я сказала, что раз тетя Женя сейчас придет, то надо быстренько на кухне прибраться и хоть какое-то угощение наметать, гость в доме все-таки. И мы с мамой кинулись в четыре руки на кухне колдовать. Мама посуду помыла, я пол протерла, начали скорее овощи на салатик резать, а тут и тетя Женя пришла. Минут пятнадцать прошло после маминого прихода, ну, максимум двадцать.

Колосенцев махнул рукой Роману, что означало: «Оторвись от писанины и выйди в прихожую». Дзюба послушно встал из-за стола. Следом за ним вышел Геннадий.

– Дуй быстро в парикмахерскую, проверяй показания Дорожкиной.

Роман с удовольствием вышел на улицу, предвкушая возможность где-нибудь по дороге в киоске ухватить какой-нибудь еды, которую можно быстро сжевать на ходу. Генка ничего не узнает и не будет издеваться.

Ему повезло: рядом с перекрестком стоял киоск «Крошка-картошка». Питания хватило как раз на путь до парикмахерской, которая действительно находилась совсем недалеко. Мастера, который стриг и красил Татьяну Дорожкину, конечно же, не было – она действительно ушла в декрет, но администратор салона красоты помнила все прекрасно. Она показала книгу предварительной записи, где напротив графы «15.00» стояла фамилия Дорожкиной и пометка: «Стрижка, краска, 2 часа». На пять вечера была записана другая клиентка, и после того, как мастер обслужила Дорожкину, оставалось немного времени, чтобы выпить чашку кофе из автомата, стоящего здесь же, в холле. Получалось, что Татьяна Петровна ничего не исказила в своих показаниях, она действительно была в парикмахерской, вышла отсюда примерно без четверти пять и уже через пять-семь минут была дома.

Съеденная на ходу вкусная горячая картошка придала сил, и назад к Дорожкиным Роман Дзюба несся почти бегом. Колосенцев уже ждал его на улице, и лицо его было каким-то странным.

- Что у тебя? - коротко спросил он.

- Все подтвердилось, Дорожкина была в салоне и ушла примерно без пятнадцати пять.

- А у меня полный караул, - бросил Геннадий загадочно. - Садись в машину, расскажу.

Выяснилось, что пока Романа не было, мать и дочь Дорожкины рассказали про Евгению Панкрашину очень странную вещь. Оказывается, иногда она приходила в гости к своей давней подруге, сидела какое-то время, разговаривала, а потом уходила со словами, что ей нужно съездить в магазин, в поликлинику или еще куда-нибудь, но она обязательно вернется. И что самое любопытное - она действительно возвращалась, сидела, пила чай, разговаривала с Татьяной. Все было как обычно. И такое повторялось не один раз. Случалось, приезжала в гости и уезжала домой, а случалось и вот так, с необъяснимой отлучкой и последующим возвращением.

- Тебе водитель что-нибудь подобное рассказывал?

Роман отрицательно помотал головой.

- Нет. Ни звука. Если верить его словам, то Панкрашина всегда ездила в понятные места и по понятным причинам. Никаких «туда, потом оттуда куда-то, потом снова туда» не было. Хотя, может, я не так спрашивал... Я же не знал, что на этом надо сделать акцент, - принялся оправдываться молодой оперативник. - Слушай, а может, этот Шилов, водитель, ее любовник?

- Чей любовник? - не понял Колосенцев.

- Ну, Панкрашиной же!

Геннадий расхохотался.

– Ты в своем уме, Ромчик? Какой у этой Панкрашиной может быть любовник? Ты ж видел ее. У таких теток любовников не бывает, у них бывают только дети и внуки. Иногда мужья, если сильно повезет. Но только не любовники. Как тебе вообще могло такое в голову твою рыжую прийти? Фантазер ты, ей-богу!

– Нет, погоди, Ген, – не унимался Роман. – Вот послушай...

– Это ты меня послушай, – прервал его Колосенцев сердито. – Ты у Дорожкиных все бутерброды сожрал? Сожрал. И сейчас, пока в парикмахерскую бегал, не отказал себе в удовольствии, от тебя до сих пор картошкой пахнет.

При этих словах Дзюба в который уже раз за день стал пунцовым и проклял себя за то, что не догадался сунуть в рот жевательную резинку. Подставился.

– А я голоден как сто волков. Поэтому мы с тобой сейчас куда-нибудь заскочим, я буду поглощать питание, а ты, так уж и быть, расскажешь мне о своих безумных фантазиях. Но пока я не начну есть, не произноси ни слова, иначе я тебя забаню на всю оставшуюся жизнь.

Словечко «забаню» пришло в лексикон Колосенцева из компьютерных игр и раздражало Романа до невозможности. В игре, насколько понимал Дзюба, оно означало перекрытие доступа к возможности играть, а в жизни в устах Гены вполне заменяло весь широкий спектр глаголов, означающих насильственное прерывание жизни. Убью, зарежу, придушу, голову оторву, повешу и так далее. Впрочем, в геймерской терминологии рыжеволосый оперативник силен не был.

Они проехали пару кварталов, прежде чем нашли более или менее приличную забегаловку, отвечающую двум основным требованиям: быстрое обслуживание и низкие цены. Вопрос чистоты не стоял вообще, ибо оба понимали: быстрота и дешевизна оную, как правило, не предполагают. Несмотря на съеденную недавно картошку – будь она неладна! – Роман набрал еды не меньше, чем его товарищ, заслужив с его стороны очередной презрительно-насмешливый выпад.

– Ладно, излагай, – милостиво разрешил Колосенцев, справившись с тарелкой горячего густого супа, кстати, сильно пересоленного.

– Понимаешь, Ген, я подумал, что если Дорожкина говорит правду, а водитель лжет, то у этого может быть только одно объяснение: он покрывает

Панкрашину. А иначе зачем ему эта ложь?

Геннадий с интересом посмотрел на напарника.

– Ну? И дальше?

– А дальше вопрос: почему он ее покрывает? Он знает про эти странные отлучки из гостей, потому что сам же ее возил, куда там ей надо, но молчит. Почему молчит?

– И почему? Потому что он ее любовник, что ли?

– Конечно же! – Ярко-голубые глаза Романа сверкали. – Он ее любовник, и они ездили трахаться. В смысле на свидания, на хату какую-нибудь.

Колосенцев задумчиво посмотрел на него.

– Не такой уж ты дурак, Ромчик. Я бы даже похвалил тебя за сообразительность, если бы не один вопрос, очень простой, но требующий ответа: а зачем Панкрашина возвращалась к подруге? Ну, пришла в гости, ну, ушла из гостей. Села в машину, поехала на хату, помиловалась со своим водителем, после чего он тихо-мирно везет ее домой. Возвращаться-то зачем?

Роман удрученно молчал. Действительно, зачем возвращаться? Глупо как-то... Но все равно в версии о наличии любовника у Евгении Панкрашиной что-то есть. Только необязательно это должен быть ее водитель.

– Я понял, – проговорил он. – У Панкрашиной действительно был любовник. И он приезжал за ней к Дорожкиной. А потом привозил обратно. Она снова шла к Дорожкиной, пила чай, разводила светские беседы, а потом приезжал водитель и забирал ее домой. И ни сном, ни духом не ведал, что она вообще куда-то из гостей отлучалась. Дорожкина и ее муж водителям не доверяли, считали, что могут заложить, никаких бесед с ними не вели и ни в какие секреты не посвящали. Евгения Васильевна своему водителю не доверяла, боялась, что он может сдать ее мужу. Поэтому для всех она была в гостях у подруги. Для всех абсолютно, включая и Шилова.

Пока он произносил эту горячую тираду, Геннадий успел доесть стейк с картофельным пюре и тщательно вытирал губы салфеткой.

– Да, не ошибся я, и вовсе ты не дурак, Ромчик. Все-таки кое-чему я тебя за три года научил, – усмехнулся он. – Хорошо, примем в качестве рабочей версии, что у Панкрашиной был любовник. Что нам это дает?

– Как что? Надо его искать. Он мог быть в курсе насчет кольца. И вполне мог убить любовницу, чтобы завладеть драгоценностью.

Колосенцев помолчал, прислушиваясь к вкусовым ощущениям, и вынес вердикт:

– Кофе – дерьмо, пить невозможно, а все остальное было ничего, приемлемо. Ладно, Рыжий, уговорил, будем искать любовника нашей потерпевшей.

Но мысли у Дзюбы летели быстрее, чем он успевал их озвучивать, поэтому, едва убедив Геннадия в том, что в убийстве может быть виновен любовник Евгении Панкрашиной, Роман уже начал сам в этом сомневаться.

– Гена, а может, у нее вообще кольцо с собой не было? Может, мы зря огород городим?

– Как это не было? А куда оно делось? Панкрашина говорила, что приедет к Дорожкиной печь торт и потом отправится сдавать украшение туда, где она взяла его напрокат. Его просто не могло не быть у нее.

– А вдруг она его сдала до того как поехала к Дорожкиной? Водитель принял ее в девять сорок пять, она могла успеть до этого съездить в бутик, – упорствовал Дзюба, увлекаясь вновь родившимися соображениями.

– Что, без водителя поехала? – усомнился Колосенцев. – Прямо вот так, ножками, на метро? Имея в сумке дорогое ювелирное украшение? Не пойдет.

– А она такси взяла! Или частника поймала!

– Опять не пойдет. Все говорят, что Панкрашина была очень экономной и зря деньги на ветер не бросала. Зачем тратиться на такси, если есть бесплатная

машина?

– А может, этот бутик совсем рядом с ее домом? – упрямо возразил Роман. – И она туда быстренько пешком сгоняла?

Колосенцев глянул на напарника с одобрением.

– Будет из тебя толк. Давай, любитель Интернета, доставай свою игрушку и проверяй быстренько, есть рядом с адресом Панкрашиной подобное заведение или нет.

Роман радостно принялся тыкать пальцем в дисплей айфона, что-то долго изучал, прищурившись, и лицо его становилось все более огорченным.

– Ни одного, – грустно объявил он. – Их вообще немного по Москве, и в том районе ни одного нет. Все далеко. И все работают с десяти утра. А Панкрашина без четверти десять уже в машину к Шилову села.

– Значит, толку из тебя не будет, – злорадно проговорил Колосенцев. – Поторопился я тебя хвалить. Не могла Панкрашина сдать кольцо в пункт проката, стало быть, оно было при ней, а теперь лежит в кармане у убийцы. Других вариантов нет.

Он махнул рукой веснушчатой молоденькой официантке, прося счет, и полез в кошелек. Дзюба последовал его примеру.

Отсчитывая пятидесятирублевые купюры, Роман вдруг остановился, посмотрел на Геннадия и спросил:

– Ген, а как Панкрашина брала кольцо в бутике? Водитель такую поездку отрицает, в понедельник, кроме как к Дорожкиной, он ее никуда не возил, и по журналу в гараже все совпадает.

– Ну, значит, в другой день взяла, – равнодушно откликнулся Колосенцев. – Не сбивай меня, я опять обсчитался.

- Ген, в какой другой день? Водитель вообще поездку за кольцо отрицает и в понедельник, и в субботу, и в любой другой день.

- Значит, в воскресенье взяла или в пятницу. Отстань. В чем вообще проблема?

- Ездил так далеко без машины? Почему? И назад возвращалась общественным транспортом, имея с собой дорожную вещь? Она что, на голову больная была? У мужа она машину не просила, ты сам говорил. Я вот думаю: а не с любовником ли она ездила за этим кольцом? Тогда он мог точно знать, какое оно, сколько стоит и когда она повезет его сдавать.

- Не гони, - поморщился Колосенцев. - В воскресенье она весь день с мужем провела, я спрашивал.

- Ну, тогда в пятницу. Или вообще в среду. Когда Панкрашин дал ей деньги на покупку украшений?

Геннадий достал свои записи, пробежал глазами по корявым строчкам:

- В четверг, пятнадцатого ноября.

- Значит, в пятницу она и могла поехать со своим любезным за кольцо. Муж на работе, дочка в школе, никто и знать не знал, что она вообще куда-то уезжала, - с торжеством заключил Роман.

- А на кой хрен она подруге врала, что взяла его в понедельник, если взяла в пятницу? И мужу то же самое заявила? - не сдавался Колосенцев, который терпеть не мог никаких осложнений и неожиданностей, увеличивающих объем работы. - И на кой хрен она его в понедельник к Дорожкиной повезла?

Роман уныло опустил голову.

- Не знаю. Все равно ничего не получается.

Геннадий резко встал из-за стола и принялся надевать куртку.

– Не парься, Ромчик, остынь от своих фантазий. Насчет любовника надо, конечно, покопать, но все остальное... Косяк на косяке. Ладно, пошли, надо в контору ехать. Поищешь этот бутик с цацками, там наверняка помнят и саму Панкрашину, и ее хахаля, если он был.

Они проехали уже полдороги, когда Колосенцев заявил:

– Сегодня у нас среда, надо постараться выжать из четверга-пятницы максимум.

– Почему? – не понял Роман.

– Потому что в субботу ты будешь работать без меня.

– Почему?

– Потому что я в субботу утром заступаю на сутки, – как о чем-то само собой разумеющемся сообщил Геннадий.

– Как на сутки? – оторопел Дзюба. – Ты же только три дня назад дежурил.

– А я поменялся, мне нужен выходной в это воскресенье, у меня игра, соревнования. Так что давай, Ромчик, ноги в руки и вперед. И в воскресенье ты тоже будешь землю рыть в гордом одиночестве, если только из МУРа кого-нибудь не пристегнут. Хотя вряд ли, все-таки обычная тетка, ничего такого, не фигура.

– Ну да, – засомневался Роман. – А муж?

– А что муж? Не политик же, не звезда журналистики, даже не депутат и не судья. Подумаешь, председатель попечительского совета фонда, этих фондов как собак нерезаных. Не такая уж он публичная фигура, во всяком случае, я о нем ничего не слышал.

– А я слышал, – упрямо возразил молодой оперативник. – Он часто интервью дает и по радио выступает, да и по телевизору я его видел в каких-то ток-шоу про проблемы детства, материнства и семьи.

Колосенцев презрительно усмехнулся.

– Ну, ты вообще не показатель, ты же в голову раненный, живешь в Интернете, а я живу нормальной человеческой жизнью, в которой про этого Панкрашина никто и слыхом не слыхивал.

Ну, насчет того, что Гена Колосенцев живет нормальной человеческой жизнью, Рома мог бы и поспорить... Разве может считаться нормальной жизнь, состоящая немножко из работы и в основном из стрельялок? Ни жены, ни постоянной подруги, только какие-то случайные девицы, на которых Генке жалко тратить время. Но спорить Дзюба не стал. Лучше поговорить о чем-нибудь безобидном.

– Ген, сегодня дело дежурный следак возбудил, а кому передадут, не знаешь?

Колосенцев ухмыльнулся.

– Ну, ясен пень, ты мечтаешь, чтобы к Надежде Игоревне Рыженко дело попало, тогда у тебя будет законный повод приходить по вечерам к ней домой, знаю я тебя. Ленка с тобой встречаться не хочет, нужен ты ей, как зайцу стоп-сигнал, тебя в дверь гонят, а ты в окно лезешь.

Вот в этом Геннадий был прав. И снова Роман Дзюба не мог понять, обижаться ему, злиться, дуться или сделать вид, что ничего особенного сказано не было.

Глава 3

Антон Сташис в очередной, наверное, уже сотый раз посмотрел на часы: без четверти восемь. Если вести шестилетнего Степку в садик, а десятилетнюю дочку Василису – в школу, то нужно выходить из дома через пять минут, иначе он на работу опоздает. Почему Эли до сих пор нет? Ведь она должна приходить к семи утра, и все годы, что няня работает у него, она ни разу не опоздала. Эльвира живет за городом, выезжает очень рано, сама за рулем, и по свободным рассветным дорогам ни в какие пробки не попадает. Можно же было за столько лет научиться рассчитывать время от дома за городом до дома Антона! Может, что-то случилось?

Он каждые несколько минут хватался за телефон и звонил няне, но слышал в трубке только длинные гудки. Телефон не выключен, находится в зоне действия сети, но Эльвира почему-то трубку не брала.

Впрочем, Васька уже достаточно большая, школа далеко, но она вполне может сама доехать на метро. Он сам не то что в школу с первого класса – в старшую группу детского сада ходил один, без родителей, если так складывалось, что некому было его отвести. Такое, конечно, бывало крайне редко, потому что кроме мамы и папы были еще старшие брат и сестра, но все-таки иногда случалось, и ему приходилось идти одному. И ничего, вполне справлялся.

«Но это я, – тут же одернул себя Антон. – Меня растили самостоятельным, а за своих детей я все равно буду всегда волноваться. Где же все-таки Эля? И почему она не звонит? Хоть бы предупредила, на сколько опоздает. Если вообще появится...»

Василиса, полностью одетая, с ранцем в руках, слонялась рядом с отцом и ныла:

– Пап, ну мы идем или нет? Мне жарко!

Степка, небольшой любитель посещать детский сад, и не думал одеваться – деловито копошился возле компьютера в надежде на то, что раз няни нет, то, может, все и обойдется.

– Вася, Эля ничего вчера не говорила, может, ей с утра надо куда-то заехать? – спросил Антон, сбрасывая с ног домашние шлепанцы и влезая в ботинки.

– Нет, папа.

Девочка задумалась, потом потянула отца за рукав и тихонько проговорила, хитро прищурившись:

– А знаешь, папа, наша Эля ходит на свидания.

Антон оторопел.

– С чего ты взяла? Что за глупости?

– А вот ничего и не глупости, я сама видела, она принесла в чехле красивое платье, повесила в шкаф, а вечером, когда уходила, его надела. И туфли у нее были в пакете, она их с собой взяла. И по телефону она стала с кем-то разговаривать тихонечко, даже из комнаты выходит, и лицо у нее такое делается...

Антон почувствовал, как внутри все заледенело. Неужели?.. Нет, нет и нет!

– Какое лицо? – спросил он как можно спокойнее.

Вася задумалась, подыскивая слова, но, судя по всему, не нашла и решила ограничиться мимической демонстрацией, изобразив на круглой мордашке таинственность.

– Ну, в общем, лицо, – коротко пояснила она.

– Вася!.. – строго проговорил Антон. – Ты ничего не выдумываешь? Может быть, Эля просто в театр ходила с подружкой, потому и платье принесла, и туфли.

Вася расстегнула молнию на пуховичке и посмотрела на отца с поистине недетским сожалением.

– Ага, пап, я что, маленькая совсем? В театр ходят к семи часам, а Эля уходила в десять почти, когда ты с работы пришел.

Антон не мог не признать, что малышка права. Неужели их няня завела роман? Это нормально, ничего плохого в этом нет, даже и хорошо. Молодая еще женщина, за тридцать, деньги есть, красота есть, разведена, почему не завести роман? Лишь бы не в ущерб работе, потому что если Эля начнет халтурить, отпрашиваться, опаздывать или уходить пораньше, то ему-то что делать?

– Собирайтесь, ребята, выходим, – скомандовал он, решив не ждать няню. – Степка, давай одевайся.

Мальчик нехотя отполз от компьютера и медленно поплелся в прихожую. Одевался он уже давно самостоятельно.

И в этот момент послышался скрежет ключа в замке. Эльвира влетела в квартиру, и лицо ее было одновременно виноватым и встревоженным.

– Простите, Антон, – торопливо заговорила она. – Я телефон забыла. Знаете, закутилась утром и не положила в сумку, поэтому и не позвонила, я же ваш номер наизусть не помню. Я сейчас отведу детей, мы еще не опаздываем.

«Да, – подумал Сташис. – Это наша общая беда: с появлением мобильных телефонов мы любой номер набираем максимум один раз, потом только ищем в телефонной памяти по имени или фамилии. Естественно, с одного раза запомнить не успеваем, и если телефона под рукой нет, то и номер не восстановить».

– Угу. – Он мрачно кивнул. – А выехали вовремя?

– Что? – Эля в недоумении посмотрела на него.

– Я спрашиваю: выехали из дома вовремя?

Няня смешалась и, наклонившись к Степке, стала ловко застегивать на его курточке многочисленные кнопки.

– Потому что если вы выехали с опозданием, то вполне могли позвонить мне из дома, пока вы еще не забыли, – на этом слове он сделал ударение, – свой телефон, и предупредить, что задержитесь. Но вы и этого не сделали. Вы что, в первый раз ехали из этого места? Время не рассчитали?

Эля смутилась окончательно, чем подтвердила худшие опасения Антона. Да, она ночевала не дома, потому и опоздала. Значит, действительно, роман завела.

– Простите, Антон, больше это не повторится, я не знала, что там ремонт дороги, сужение и даже рано утром возникает пробка. Там постоянно проезжают фуры, из-за этого...

– Меня это не интересует, – холодно произнес он. – Потрудитесь, пожалуйста, вовремя выезжать, если ночуете не дома.

Он вышел из квартиры – только что дверь не хлопнул от злости. Злился Антон Сташис, разумеется, не на Элю, а на самого себя и свою нескладную жизнь. Ну чего он выверился на няню? Зачем так холодно и резко с ней разговаривал? Столько лет все было хорошо, мирно, ни одного конфликта, никаких претензий друг к другу, и вот, пожалуйста...

«Я испугался, – признался он сам себе, заводя двигатель автомобиля. – Я просто ужасно испугался, потому и не совладал с собой. Что делать, если она уйдет? Я не справлюсь».

Всю дорогу на работу он боролся с раздражением и тревогой: если Эля начнет увязать в отношениях, то работать не сможет так, как ему надо. А уволить ее он не может в первую очередь потому, что на другую няню у него просто нет денег. Эля работает бесплатно, и в этом весь ужас его положения. Значит, что бы она ни вытворяла, ему придется терпеть и мириться с этим.

Только подъехав к хорошо знакомому зданию Петровки, 38, Антон сообразил, что, охваченный негодованием и испугом, выскочил из дома раньше, чем обычно. Детей-то вести в сад и школу не пришлось... Ну ничего, работа оперативника подразумевает огромный объем писанины, которую все вечно откладывают на потом. Вот он и займется с утра пораньше, пока больше никого нет в кабинете, который Антон делил еще с двумя коллегами.

Он успел сделать довольно много, пока не появился подполковник Зарубин.

– О, Тоха, ты уже на месте? Беги быстро к шефу, он уже копытами стучит.

– А что случилось? – Антон поднял голову.

– Жену какого-то деятеля вчера приговорили, тебя пристегивают.

– Чья территория? – спросил Сташис, убирая документы в сейф.

Маленький и почему-то постоянно смеющийся Сергей Кузьмич Зарубин театрально закатил глаза.

– Не смешите меня, люди! Территория его интересует! Да плевать ты хотел на территорию, тебя интересует, с какими операми и с каким следяком ты будешь работать. Так вот, выдохни, многодетный отец: следачка та самая, с которой ты уже контактил по делу о сомнительном наследстве, и опера те же, один рыженький такой, смешной, и второй, постарше и потолковее.

Антон обрадовался. Действительно, рыжеволосого Романа Дзюбу и его старшего напарника Геннадия Колосенцева он хорошо помнил. К сожалению, с того дела, которым они вместе занимались, им общаться больше не приходилось. К сожалению – потому, что Дзюба ему еще тогда понравился, да и следователь Рыженко оставила самые приятные впечатления.

Получив официальное задание от начальника отдела, Антон позвонил Дзюбе и узнал, где они могут пересечься.

– Генка говорит, что лучше всего встречаться поближе к дому, где жила убитая, – ответил Роман, о чем-то шепотом посоветовавшись с Колосенцевым. – Записывай адрес.

Антон удрученно покачал головой: значит, рыжий Ромчик все еще находится под каблуком у Геннадия и смотрит ему в рот. Жаль. Ромчик – прирожденный опер, талант, искренне влюбленный в свою профессию, ему надо учиться мыслить и действовать самостоятельно, а не жить по указке Гены, который работу свою не любит. Впрочем, это не его дело.

Меньше чем через час Антон был в оговоренном месте, где уже стояла машина Колосенцева. Антон пересел в нее. На изложение собранной накануне информации времени ушло немало, очень уж она оказалась путаной и нескладной.

– Значит, что мы имеем с гуся? – подвел итог Колосенцев. – О колье знали, во-первых, подруга потерпевшей и ее дочь, во-вторых, члены семьи Панкрашиных, в-третьих, те, у кого потерпевшая взяла это колье, то есть сотрудники бутика, и, в-четвертых, все те, кто его видел на приеме. Вот из этой кучи и надо выбирать подозреваемого. При этом подвис у нас еще водитель, который клянется, что колье не видел и ничего о нем не знал, но его показания никакой критики не выдерживают, потому что взяться из воздуха колье не могло, его нужно было где-то получить, а это значит, что водитель потерпевшую туда возил. И его надо

брат и трясти, пока он не расколется.

- А орудие убийства? - спросил Антон. - По нему есть результаты?

- Ага, сто результатов и еще пять в качестве довеска, - скривился Геннадий. - Нож преступник бросил там же, в подъезде, стало быть, сразу можно было догадаться, что ничего на нем нет. Так и оказалось. Ни следочка.

- Нет, Ген, погоди, - встрял молчавший до этого Роман. - А почему ты про любовника ничего не говоришь? Я уверен, что водитель Шилов не имеет отношения ни к колье, ни к убийству, я же журнал проверял в гараже... А с любовником все сойдется.

- Отвянь, - махнул рукой Геннадий. - Эти записи в гаражном журнале яйца выеденного не стоят. Все друг друга знают сто лет, все вась-вась, попросил Шилов записать конкретное время - они и записали, что им, трудно? За деньги, Рыжик, еще и не такие фальсификации делаются. Или даже за бутылку.

- Но, Ген...

- Я сказал: закрыли тему. Надо водилу трясти. Очень плохо выглядит это странное расхождение в показаниях: Дорожкина уверяет, что пришла домой к семнадцати часам, и минут через пятнадцать-двадцать появилась Панкрашина, а водитель стоит на том, что привез ее к Дорожкиной к пятнадцати часам. Что это за странные два часа? Куда они делись? Почему они вообще появились?

Антону неприятно было наблюдать за тем, как сникает Роман под напором Колосенцева. Почему-то этот рыжий паренек был ему симпатичен, и душа за него болела.

- Ребята, а что вы уперлись в это колье? - спросил он. - Почему вы думаете, что Панкрашину убили из-за него? Может быть, убийца и не знал ничего про колье, просто решил ограбить первого попавшегося подходящего потерпевшего, забрать деньги и телефон, обычное же дело. Тем более именно деньги и телефон он и забрал. Он же не знал, что в сумке еще и колье окажется, а уж когда оно подвернулось, то и взял, само собой. Другое дело, что каналы сбыта и всех барыг все равно надо перекрывать, потому что знал преступник о колье или не знал - а сбывать его все равно как-то надо. Так что на ход оперативных

мероприятий это не влияет.

- Ну да, - согласился Колосенцев, - не влияет.

- И второй вопрос, - продолжал Антон. - Почему вы совсем не рассматриваете версию убийства по личным мотивам? Может быть, месть? Ревность? Почему нет?

Колосенцев зло рассмеялся:

- Ой, Антон, ты бы видел эту потерпевшую! Какая ревность? Кому она нужна? Неухоженная тетка пенсионного возраста, волосы плохо покрашены, седина так и прет, одета кое-как, аккуратно, чистенько, но полный отстой, и с кошелкой. Ты можешь себе представить пожилую женщину с кошелкой, которую кто-то приревновал бы? Да вся ее одежда не стоит и одного камешка из того колье, которое у нее якобы украли. Так что я больше чем уверен: это вообще была бижутерия. Может, и хорошая, качественная, но все равно стекляшки. А мужу и подругам наврала, что камни натуральные и золото. Мужу - чтобы не ругался, а подругам - чтобы похвастаться. Элементарно.

- Но ведь Ромка что-то говорил о любовнике. - Антон вопросительно посмотрел на Дзюбу. - Рома, поделись со мной своими идеями.

- Да не слушай ты его! - перебил Геннадий. - Вечно у Ромчика всякая муть в голове. Не было там никакого любовника, вот зуб даю.

Даже в сумраке салона машины было видно, как сверкнули обидой глаза Дзюбы. Но Роман промолчал, ничего не сказал, только зубы сцепил.

«Вот это характер! - с уважением подумал Антон. - Я бы уже убил напарника, который так со мной обращается, да еще в присутствии посторонних. А Ромка терпит. Интересно, почему? Но в любом случае он молодец. Такой выдержке можно только позавидовать».

- И все равно я бы поговорил с подругами Панкрашиной, - сказал Сташис. - И с той же Дорожкиной, и с другими, каких найдем. Пятьдесят шесть лет - это очень много, за пятьдесят шесть лет в человеческой жизни столько всего может

успеть произойти... Мало ли кого она обидела когда-то, на мозоль наступила, подвела, подставила, да мало ли что... Следовательно на какую версию настроен?

- На колье, само собой, это же на поверхности лежит, - усмехнулся Колосенцев.

- Ладно, - кивнул Антон. - Уважим Надежду Игоревну, сделаем в первую очередь то, что она требует, а потом, если время останется, поработаем на свой страх и риск.

- Э, нет, - Геннадий поднял обе руки в протестующем жесте. - Это без меня. Я со следаками конфликтовать не собираюсь, а инициатива, как известно, наказуема. Что Рыженко скажет - то и будем отрабатывать. А все остальное - сами, если вам прибило. Я в субботу на сутки заступаю, в воскресенье после суток отдыхаю, так что ради бога, делайте, что хотите. Но без меня.

Оперативники разделили задания: Дзюбу отправили объезжать бутики, в которых можно взять напрокат ювелирное украшение, а Антон с Колосенцевым пошли к Игорю Панкрашину, находившемуся дома. Геннадий намеревался выяснить у бизнесмена имена тех, кто на приеме 20 ноября мог общаться с его супругой, и поехать опрашивать этих людей, а Антон собирался восстановить все события вчерашнего утра во всех возможных подробностях и деталях.

Дверь им открыла худенькая узкобедрая девушка, и даже печать невыносимого горя не могла скрыть ее красоты. Наверное, еще вчера утром это ослепительное лицо было ясным и светлым. Но и опухшие глаза, и скорбно опущенные уголки губ его не испортили. Все равно было видно, что Нина Панкрашина - настоящая красавица.

- Папа плохо себя чувствует, - объяснила она. - Я не пошла в школу, надо за ним ухаживать. Ночью пришлось «скорую» вызывать.

Игорь Николаевич выглядел еще хуже, чем накануне, когда к нему приходил Колосенцев, однако был более собранным и на вопросы отвечал вполне четко. Почти не задумываясь, назвал имена трех приятельниц жены, с которыми та, как он видел, весело щебетала на приеме. Покопавшись в мобильном телефоне, дал их координаты.

– Не подскажите, какая из этих дам самая толковая? – как бы невзначай поинтересовался Колосенцев.

«Конечно, – подумал Антон. – Надо начинать с наиболее толкового свидетеля, глядишь, и с другими встречаться не придется, экономия времени и сил. Ах, Гена, Гена! Видно, ничего за два года не изменилось. И глаза у тебя сонные, опять, наверное, всю ночь играл».

Панкрашин в качестве наиболее толковой назвал жену своего друга и заместителя Георгия Анищенко, после чего Геннадий распрощался и отбыл, а Антон принялся задавать мужу и дочери Евгении Панкрашиной многочисленные подробные вопросы о том, как та провела последнее в своей жизни утро. В каком настроении встала Евгения Васильевна? Что сказала? Как выглядела? Кому звонила? Не говорила ли о своих планах на день? И Игорь Николаевич, и Нина в один голос утверждали, что ничего особенного в поведении Евгении Васильевны не заметили, все было как обычно, настроение ровное, ни нервозности, ни спешки – ничего. Из планов на день – поездка к подруге, чтобы испечь торт, после чего поездка в бутик, чтобы сдать кольцо. И больше ничего.

– Евгения Васильевна не говорила, в каком именно бутике она брала кольцо? – допытывался Антон. – Хотя бы где он находится? В какой части Москвы? Или, может, упоминала его название?

Он пытался найти хоть какие-то ориентиры, но все было бесполезно: никто не спрашивал женщину о таких подробностях. Не добившись результата, Антон отправился по квартирам, расположенным в том же подъезде. Евгению Васильевну в доме знали почти все, но только в лицо: Панкрашины жили здесь давно, но с соседями дружбу или даже просто знакомство не водили. Ни одного худого слова о погибшей женщине Антон не услышал. И даже ни одного факта, который мог бы породить какие-то сомнения, ему не привели. Хотя в чем тут сомневаться? Добродетельная жена, заботливая мать четверых детей, бабушка троих внуков. Какие уж такие факты он надеялся узнать?

– А я Женю видела, – хитро улыбаясь, сообщила ему словоохотливая бабуля, живущая на втором этаже. – Вот как раз вчера утром и видела.

– Она в машину садилась? – спросил Антон, припоминая рассказ Колосенцева: водитель посадил пассажирку в девять сорок пять, чтобы к одиннадцати утра

доставить на Речной вокзал.

– И в машину садилась, а как же, но это уж потом было. А сперва она выскочила, как ошпаренная, из подъезда, пальтушка на плечи накинута, в руках чего-то держит, и рванула прямо во-о-он туда. – Бабуля показала через оконное стекло на противоположную сторону двора.

Антон затаил дыхание.

– И что дальше?

– А там машина стояла, не та, на которой Женька ездит все время, а другая. Женька к ей подбежала, чего-то в окошко сунула – и назад.

– Что именно она сунула в окошко?

– Ой, да я не видала, далеко ведь. Ну, чего в руке несла, то и сунула, – вполне резонно заключила глазастая старушка.

– А что она в руке несла? Что-то объемное? Чемодан? Сумку? Коробку? Может, пакет какой-то?

Бабуля призадумалась, видно, вспоминала и соображала, потом решительно произнесла:

– Нет, у Женьки руки опущены были под пальтушкой, она одной рукой полы придерживала, а вторая, стало быть, внутри была. Так что ничего большого быть не могло. Маленькое что-то. Оно и в окошко влезло.

– А машина какая была?

– Так я ж разве разбираюсь? Темненькая, аккуратненькая такая, а уж как там она у вас называется – понятия не имею.

Поблагодарив бабулю, Антон пулей взлетел наверх, в квартиру Панкрашиных. Снова дверь открыла Нина, и если в первый раз глаза ее были сухими, то на этот раз было видно, что она только что плакала.

– Это снова вы, – безучастно произнес Панкрашин при виде Антона. – Вы еще не все спросили? Ну, давайте, спрашивайте.

– Игорь Николаевич, кому и что ваша жена передавала вчера утром?

Панкрашин тупо смотрел на оперативника и явно не понимал смысла вопроса. Потом с трудом разлепил губы и переспросил:

– Женя передавала? Кому? Когда?

– Вчера утром, около девяти часов, Евгения Васильевна вышла из дома, подошла к припаркованной на противоположной стороне двора машине, темного цвета, небольшой, и что-то передала в открытое окошко. Вы знаете, кому и что она передала?

Теперь Панкрашин выглядел откровенно озадаченным.

– Женя? Передала в окошко? Понятия не имею! Меня и дома уже не было, я в половине восьмого уезжаю в офис, а то и раньше. А с чего вы вообще взяли, что она кому-то что-то передавала?

– Так говорят свидетели. Скажите, могло такое быть, что кто-то из ваших детей приехал к маме за деньгами?

Несмотря на подавленность и плохое самочувствие, лицо Панкрашина преобразилось, выражая изумление пополам с негодованием.

– Да вы с ума сошли! Во-первых, наши дети обязательно сами зашли бы, а не заставляли бы мать выходить в такую погоду на улицу. Мы не так их воспитали, чтобы они смели позволять себе подобные выходки. Во-вторых, ни у кого из моих детей нет автомобилей темного цвета, я всегда категорически настаиваю на том, чтобы машины были только светлыми, в целях безопасности. И в-третьих, наши дети никогда не просят денег у матери, только у меня. Так заведено с самого детства. Я глава семьи, и только я распоряжаюсь всеми финансами и контролирую все траты.

Антон не смог совладать с лицом при этих словах, и от Панкрашина это не укрылось.

– Вы не подумайте, что я скряга, – продолжал он, словно оправдываясь. – Я всем даю достаточно денег, иногда даже более чем достаточно, но я крайне не люблю, когда меня разводят, и хочу все контролировать сам.

«А вот это уже любопытно, – подумал Антон. – Такой строгий папа, требующий отчета за каждую копейку, и такая красивая современная девушка, которой подобные строгости наверняка нравиться не могут. Надо бы в этом направлении поискать...»

– Я поговорю с Ниной? – полуутвердительно спросил он.

– Да, конечно, спрашивайте ее обо всем, что вам нужно.

Нину Панкрашину Антон обнаружил на уютной кухне. Девушка сидела на табуретке, опершись локтями о широкий подоконник, тихонько покачивалась и смотрела в окно. Вошедшего Антона она заметила не сразу, а когда перевела на него глаза, в них застыла такая боль, что Сташису стало не по себе.

– Как же мы теперь без мамы... – тихонько проговорила она. – Такое чувство, что вся жизнь закончилась, и дальше будет... сама не знаю что. Не знаю, как мы теперь будем...

Антон уцепился за ее слова и начал понемногу расспрашивать о семейном укладе Панкрашиных, о взаимоотношениях между членами этой большой семьи, о привычках и традициях. Нина постепенно оживала, рассказывала охотно, даже пару раз улыбнулась. Она, разумеется, знала, что Евгения и Игорь Панкрашины – родители приемные, но в том, что Евгению Васильевну девушка обожала, можно было не сомневаться. И горевала по матери она глубоко и искренне. А вот отца побаивалась, хотя и безмерно уважала. Если верить Нине, Игорь Николаевич был отцом безусловно щедрым не только на проявления любви к детям. Дети – все четверо – не знали отказа ни в чем, если это не выходило за рамки разумного. Конечно же, никаких яхт и «феррари-кабриолетов» он не допускал, но если речь шла, скажем, о здоровье или о получении образования, то никаких денег не жалел. Точно такой же подход у него был к покупке автомобилей: машина должна быть светлого цвета, чтобы в сумерках и в темноте не сливаться с

окружающей средой, и безопасной. И если за безопасность нужно платить, то это нормально. А вот излишней роскоши он не приветствовал. Поэтому, прежде чем дать денег кому-то из детей, всегда дотошно выпрашивал, на какие нужды, и высказывал свое мнение о необходимости подобных трат. И если деньги давал, то потом обязательно проверял, потрачены ли они именно на то, о чем договаривались, или на что-то другое.

– Я лишний раз денег у папы боюсь попросить, – говорила Нина. – Он даст, вопросов нет, но ведь всю душу вынет: зачем, для чего... А потом проверять будет. А я стесняюсь.

– Стесняетесь? Чего? – удивился Антон.

– Ну... – Девушка смутилась и робко улыбнулась. – Мне, например, хочется купить хорошее белье, и не потому, что я капризная, просто у меня аллергия на синтетику, я могу носить только хлопок, а красивое белье из натуральных тканей стоит дорого. Мне неловко папе про белье объяснять, понимаете? А ведь он еще и показать потребует, когда я его куплю. Или дезодорант... Это ведь такое интимное дело, а папа мужчина... Понимаете? – снова спросила она.

Антон понимал прекрасно. Ваське всего десять, но что такое девичье смущение, он уже видел. А Нине-то шестнадцать!

– Папа вообще никакого вранья не терпит, – продолжала между тем Нина. – Он всегда всех нас наказывал за это, даже за мелкую ложь. Я, когда маленькая была, не понимала, почему он такой. А когда подросла, мама мне объяснила, что сейчас очень много наркомании, и даже в школах наркотики открыто продают, и папа строго следит, чтобы мы в беду не попали. Ну, за старших-то он теперь спокоен, а вот за мной бдит во все глаза. Тотальный контроль.

Интересная семейка... И девушка прелюбопытная. Такая красавица наверняка хочет хорошо одеваться и пользоваться всяческими женскими прибабасами, а тут строгий папа, у которого нужно просить каждый рубль и потом за него отчитываться. Не мог ли у Ниночки возникнуть соблазн завладеть взятым напрокат украшением и одним махом решить массу финансовых проблем? Разумеется, не сама она на мать руку подняла, но ведь у такой красотищи наверняка масса поклонников, а то и близких дружков.

Антон глянул на часы: вполне можно зайти в школу к Нине и поговорить с кем-нибудь из ее педагогов.

– Нина, в какой школе вы учитесь?

– Я в гимназии имени Ушинского учусь, можно на автобусе две остановки проехать, а можно через парк пешком пройти. А что?

– Просто интересно, – улыбнулся Антон. – Нравится учиться?

– Нравится, – спокойно ответила Нина, хотя особого энтузиазма в ее голосе оперативник не услышал.

Впрочем, это вовсе не свидетельствовало о ее равнодушии к учебе. У девушки мать погибла, и все ее мысли только об этом.

Гимназия имени Ушинского действительно находилась «через парк», Антон на машине доехал очень быстро. Уроки уже закончились, но, судя по количеству бегающих и неспешно идущих по коридорам подростков, имели место и какие-то дополнительные занятия, факультативы, секции. Мимо Антона с громким криком пронеслась группа парней в спортивной форме, и от их разгоряченных потных тел пахло здоровьем и молодой нерастроченной силой.

Учительская находилась на втором этаже. Классного руководителя Нины Панкрашиной там не оказалось, но Антону посоветовали поискать ее в лингафонном кабинете, где та – преподаватель английского – вела факультатив. Так и оказалось. Пятеро подростков сидели в наушниках и что-то слушали, а симпатичная немолодая дама вполголоса о чем-то беседовала с шестым – лопоухим обритым наголо пацаненком лет двенадцати-тринадцати. Причем беседовала отнюдь не на русском языке. Увидев Антона, дама поднялась и подошла к нему.

– Вы ко мне?

О том, что мать Нины Панкрашиной погибла накануне, она, конечно же, знала и сама лично разрешила Нине в течение ближайшей недели не приходиться на

занятия.

Выслушав Сташиса, она кивнула:

– Сейчас я дам детям задание и выйду к вам в коридор, там мы сможем поговорить.

О Нине Панкрашиной педагог отозвалась в самых восторженных выражениях: девочка прилежно училась и демонстрировала примерное поведение, хорошо успевала по всем предметам, и никаких проблем с ней у педсостава не возникало никогда.

– Но это на уроках, – заметил Антон, который очень хорошо знал, насколько может разниться поведение подростка дома, в школе и на улице. – А вообще, в жизни? Нина – она какая? Добрая, злая? Контактная или замкнутая?

Англичанка усмехнулась:

– Понимаю, о чем вы. Сама за много лет разные метаморфозы наблюдала. В школе – чистый ангел, как за порог школьного здания ступит – хоть святых выноси. Вплоть до уголовщины. Но Ниночка Панкрашина – не тот случай. Я ее родителей знаю очень давно, у нас ведь ее старший брат учился и сестра. Но это когда мы уже стали гимназией. До этого мы были просто английской спецшколой, и самый первый сын Панкрашиных тоже здесь учился, они давно в нашем районе живут. Знаете, такие родители редко встречаются: ведь когда старший мальчик здесь учился, они были совсем молодыми, и квартира у них была крошечная, от производства полученная. А потом Игорь Николаевич занялся бизнесом, и очень успешно, и встал вопрос о покупке нового жилья, так они район менять не захотели, чтобы второй ребенок, дочка, тоже здесь училась. А потом и в третий раз стали квартиру менять на более просторную, и снова здесь же, потому что школа... Евгения Васильевна у нас бессменный член родительского комитета, хотела все знать про своих детей, чтобы ничего не упустить, очень она боялась, что они с плохой компанией свяжутся и учебу запустят. А Игорь Николаевич, как разбогател и встал на ноги, является нашим постоянным спонсором: ремонты, массовые мероприятия, выпускные вечера, поощрительные стипендии или ценные подарки лучшим ученикам, поездки и экскурсии – ничего этого не было бы, если бы не его помощь. Это я к тому рассказываю, что родители очень следят за Ниночкой, очень сильно ее

контролируют, поэтому могу точно сказать, что ни с какой плохой компанией она не связана. Совершенно домашняя девочка, жестко ориентированная на учебу и получение хорошего образования. Она ведь и на курсы ко мне ходит.

- На курсы?

- Да, у меня по диплому два языка – английский и испанский, а в нашей гимназии преподают английский и еще один язык в обязательном порядке и третий язык факультативно. Все, конечно, берут английский, а дальше решают сами: или немецкий обязательно и французский факультативно, или наоборот. Так что здесь я могу только английский язык преподавать, а на курсах я преподаю испанский. Вот на испанский Ниночка и ходит.

- Часто?

- Три раза в неделю по два часа.

Теперь Антон решил подобраться к тому главному вопросу, ради которого он, собственно, и пришел в гимназию.

- Нина – очень красивая девушка, очень современная, – осторожно начал он. – Я знаю, что Евгения Васильевна не приветствовала роскошь в одежде, одевалась очень просто и скромно. Вероятно, она и Нину так же одевала. Не могли у девочки из-за этого появиться какие-нибудь... – Он постарался аккуратно подобрать слова: – Неправильные мысли? Может быть, она завидовала другим девочкам, которые одеты более модно и дорого? Ну, вы понимаете...

Англичанка рассмеялась.

- Да ну что вы! Евгения Васильевна – это Евгения Васильевна, а Ниночка – это совсем другое.

- То есть? – приподнял брови Антон.

- Евгения Васильевна была очень опытным родителем, если можно так выразиться. Она прекрасно понимала, что есть ее жизнь – такая, какой она ее прожила, и есть жизнь ее детей, которая развивается и протекает в совершенно

других условиях, в другой среде, в другой стране, в конце концов. И никогда не пыталась в отличие от очень многих родителей заставить своих детей прожить такую же жизнь, какой жила она сама, и разделять ее вкусы и принципы. А принципы у Евгении Васильевны были. Она отлично понимала, что такое детская зависть и детская ревность. И ее дети всегда – я подчеркиваю: всегда! – были одеты не хуже других и имели все то же самое, что имело большинство. И мобильные телефоны, и модные ранцы, и всякую технику. Об одежде я уж не говорю. Знаете, у Панкрашиных есть удивительное качество, которое вообще-то крайне редко встречается: они абсолютно точно чувствуют грань, отделяющую понятие «всё, что нужно» от понятия «избыточное». У их детей всегда было все, что нужно, чтобы чувствовать себя комфортно в среде сверстников, и никогда не было ничего лишнего, что как-то выделяло бы их или вызывало зависть. Поистине редкое качество.

– Значит, у Нины нет острой потребности в деньгах, в тратах? – уточнил Антон на всякий случай, хотя из слов учительницы уже и так понял, что промахнулся.

Ради денег Нина на преступление вряд ли пошла бы, у нее и так все было.

– Нет, – покачала головой англичанка.

– А приятели? Поклонники? С кем Нина дружит в классе?

– Вы знаете, особо ни с кем. И одновременно со всеми. Ниночка не из тех девочек, которые умеют... – Она покачала головой и вдруг озорно глянула на Сташиса. – Есть такое полуприличное выражение «дружить взасос». Так вот это – не про Нину. Она со всеми ровная, доброжелательная, списывать дает любому, кто попросит, не делит одноклассников на своих и чужих. Впрочем, классы у нас маленькие, по десять человек всего, так что все как-то умудряются хороводиться одной компанией, не разделяясь на группки. Самой близкой, самой душевной подружки у Ниночки нет. И в то же время все девочки из ее класса – ее подружки. Это от мамы, от Евгении Васильевны. Такая особенность характера.

«Это точно, – подумал Антон. – Про это я уже слышан. Множество подружек и приятельниц, и ни одной – самой близкой, которая знает о тебе всю правду, всю твою подноготную».

– А мальчики?

– Только дружеские отношения, – заверила его педагог. – Мальчикам она очень нравится, и одноклассникам, и из параллельного класса, и даже из одиннадцатого. Но Нина на них не реагирует. Учеба, учеба и учеба. А потом карьера, карьера и карьера. Правда, на курсах есть хороший паренек, который за ней ухаживает, и Ниночка его ухаживания принимает.

– Принимает? – насторожился Антон. – В чем это выражается? У них близкие отношения?

Англичанка тонко улыбнулась.

– Молодой человек, я давно уже не обольщаюсь насчет нравов современных школьников. Половая жизнь начинается в тринадцать лет, а иногда и в одиннадцать, это мне отлично известно. И поверьте мне, я по поведению и внешнему виду подростка, и мальчика, и девочки, могу совершенно точно вам сказать, занимается он этим или нет. То, что Ниночка не поддерживает со своим кавалером интимных отношений, я вам гарантирую. Она просто позволяет ему провожать себя домой после занятий на курсах и иногда ходит с ним в кафе или в кино. Не более того. Кстати, я ведь тоже живу в этом районе и несколько раз видела Ниночку в компании с этим пареньком, они шли через наш парк в сторону Ниночкиного дома. А я шла сзади, метрах в тридцати. И ни разу ничего не заметила – ни поцелуев, ни объятий, ничего. Просто шли и разговаривали. Более того, один раз я торопилась, и мне пришлось их обогнать, так что я невольно услышала обрывок их разговора. И знаете, что они обсуждали?

– Что?

– Фильмы Альмодовара. И, между прочим, говорили на испанском.

Да, все это – совершенно идиллическая картина, но надо прояснить ситуацию до конца. Подонки с хорошим образованием и знанием иностранных языков – не такая уж редкость в наше время.

– А этот паренек – что вы можете о нем рассказать?

Учительница сделала жест – мол, подождите минутку, – заглянула в класс, сказала ученикам несколько слов по-английски и снова вернулась к Антону.

– Мальчик... – задумчиво проговорила она. – Знаете, мне пора на урок, так что я не буду вам ничего долго объяснять, хотя могла бы рассказывать о нем так же много, как о Ниночке. Скажу одно: если бы у меня был такой сын – я была бы счастлива. А уж я детей на своем веку повидала, можете мне поверить.

И Антон поверил.

От версии о причастности Нины Панкрашиной и ее кавалера к убийству Евгении Васильевны на данный момент придется отказаться. Но это пока. Потому что в любой момент может обнаружиться какой-нибудь фактик, самый незначительный, который заставит снова об этом задуматься. Ладно, пойдем дальше. И без Нины Панкрашиной есть над чем поработать.

Дом Георгия Владиленовича Анищенко, заместителя Игоря Панкрашина, находился за городом, и Колосенцев с тоской думал о том, что придется по пробкам тащиться к такую даль, чтобы поговорить со свидетельницей, и убить на это хорошо если полдня, а то и весь день, ведь обратную дорогу тоже придется осилить... Но ему несказанно повезло: ответившая на его звонок супруга Анищенко по имени Алла сказала, что весь день собирается провести в Москве, у нее масса дел. При этих словах Колосенцев усмехнулся: знает он прекрасно, какие такие дела бывают у неработающих дамочек. Небось массажисты-стилисты всякие или безумный шопинг. Они долго согласовывали время и место и наконец договорились, что беседу с оперативником Алла Анищенко втиснет между двумя деловыми встречами.

– У меня будет не больше часа, – предупредила она.

– Мне достаточно, – ответил Геннадий.

Встречу она назначила в кафе на первом этаже гостиницы «Балчуг». Место Колосенцеву не нравилось, уж больно пафосное, и цены чудовищные, так что даже чашку чаю он там себе позволить не сможет, но спорить и тем более настаивать на чем-то он не решился, памятуя о своем же правиле: никогда не давить на фигуранта при первом контакте. Пусть будет так, как ей удобно. Тем

более это в любом случае лучше, чем пилить невесть куда за город.

Алла Анищенко, стройная ухоженная женщина с крашеными в очень красивый, но столь же неестественный цвет волосами, опоздала на двадцать минут, но извиняться и не подумала.

– То, что случилось с Женей, ужасно, – заявила она в первую же секунду. – Но я не совсем понимаю, какую информацию вы от меня ждете. Мы ведь не были близкими подругами. Да и не близкими тоже. Просто знали друг друга много лет, потому что наши мужья очень дружны, вот и приходилось встречаться. Бывает, что дружат семьями, и мужья, и жены, но это не наш случай. Игорь с Жорой дружат, а мы с Женечкой просто приятельницы.

– Я бы хотел поговорить о приеме, на котором вы были двадцатого ноября, – объяснил Колосенцев, с завистью поглядывая на официанта, прошмыгнувшего мимо них с двумя тарелками, на которых красовались какие-то немыслимые десерты.

Алла быстро, не глядя в меню, сделала заказ – чай и фруктовый салат, Колосенцев воздержался, небрежно солгав, что он уже выпил кофе и перекусил, пока ждал ее. Не признаваться же, что дорого!

– А что с приемом? – не поняла Алла. – Вы спрашиваете, время идет. Через полчаса мне придется уйти, я не могу опаздывать.

Вот так, несколькими словами, она вроде бы поставила оперативника на место, а на самом деле – ткнула мордой в стол. Мол, на встречу с тобой и опоздать можно, не такое уж важное дело – расследование убийства, а вот мои дела по настоящему важны, и опаздывать я никак не могу.

– Вы общались с Евгенией Васильевной на приеме?

– Ну конечно! С кем ей там еще общаться, кроме нас? Она же там никого больше не знает.

– Кроме вас? – уточнил Колосенцев. – А сколько вас?

Алла рассмеялась:

– Трое. Или четверо, я сейчас точно не вспомню, в каком составе мы стояли, когда Женя к нам подошла. Я была, еще две дамы, если нужно – я назову их имена и дам координаты, а вот четвертая, известная журналистка, то ли была в тот момент, то ли нет – точно не скажу. Она какое-то время с нами стояла, потом отходила, потом снова подходила...

Все это Колосенцев и так знал со слов Игоря Панкрашина, и имена этих дам, и их телефоны. Пока ничего нового.

– Евгения Васильевна не рассказывала вам о том, что кто-то из присутствовавших на приеме заинтересовался ее украшением? Может быть, кто-то комплимент ей сказал или поинтересовался стоимостью... Не было такого?

– Украшение? – Алла Анищенко сделала движение, при котором у нормального человека на лбу должны были бы появиться морщины. Ее же лоб, судя по всему, накачанный ботоксом, остался неподвижным. – Да, на Женечке было украшение, и что? Что в нем особенного? Большое, даже громоздкое на мой вкус, и аляповатое какое-то. Я такие называю: «богачество показать». А что не так с этим украшением?

– Оно пропало.

– Что вы говорите? Ну надо же...

Алла покачала головой, и Колосенцеву почему-то показалось, что она не одобряет людей, которые позарились бы на такое «барахло».

– Не понимаю, – продолжала она задумчиво. – Колье как колье, ни серег к нему, ни кольца, ни браслета, то есть это даже не гарнитур. Кому оно могло понадобиться?

– Евгения Васильевна не говорила, сколько оно стоит?

– Нет, мы его вообще не обсуждали. То есть мы, конечно, заметили, что Женя наконец-то появилась хоть в каком-то украшении, но сразу заговорили о другом

и больше к колье не возвращались. А что, с установлением цены какие-то проблемы? Игорь же наверняка знает стоимость, он же сам платил.

– С чего вы взяли? – насторожился Геннадий.

– А разве нет? Разве его не Игорь купил? А кто?

Глаза Аллы хищно блеснули неподдельным интересом.

– Его вообще никто не покупал, Евгения Васильевна брала его напрокат в рент-бутике.

– Да-а-а? – Изумлению Аллы не было предела. – Правда? С ума сойти! Ну, тогда я вам совершенно точно скажу, что никто на это кольцо не позарился бы, и если оно пропало, то не потому, что его украли, а потому, что Женя его куда-нибудь засунула.

– Откуда такой вывод?

– Ой, ну неужели вы не понимаете? Украшения напрокат – это в основном бижутерия, очень красивая, иногда даже дорогая, но все равно это всего лишь бижутерия. В Москве есть несколько точек, где можно взять в аренду настоящую ювелирку, немного, всего две или три, но там с вас возьмут залоговую стоимость в размере ста процентов цены изделия, плюс еще проценты за прокат. Если бы это «богачество» было настоящим, оно бы стоило огромных денег. Ни один бутик никогда – запомните это! – не связался бы с такой вещью. Если бы камни в этой, простите за выражение, красоте невозможной были натуральными, цена была бы неподъемной. Напрокат дают только недорогую ювелирку. Так что, если кольцо было настоящим, оно не могло быть прокатным, его можно было только купить, причем за бешеные деньги.

– А если все-таки прокатным?

– Тогда это бижутерия, – безапелляционно заявила Анищенко и добавила: – Без вариантов.

– И Евгения Васильевна сказала вам, что кольцо взято напрокат?

– Нет, ничего этого она не говорила, мы думали, что это Игорь наконец расщедрился, начали Женечку подкалывать, а она сразу принялась щебетать про то, какой Волько чудесный, так что если кто-то из нас и обратил внимание на украшение, то мы быстро отвлеклись.

Волько... Это еще кто? Такое имя пока не всплывало.

– А что такое с Волько? – спросил Колосенцев как бы между прочим, будто бы отлично зная, кто это такой.

– Да это певец, который там выступал. Вы ж понимаете... Женя наша, конечно, простота необыкновенная, перекинулась парой слов с Волько и потом весь вечер только об этом и трещала, дескать, какой он милый человек, какой обаятельный, какой приятный. Ну скажите мне, вот как можно назвать этого надутого высокомерного хлыща приятным? Просто смешно!

Геннадий не очень хорошо представлял себе мужчину, о котором так возбужденно говорила Алла Анищенко. При слове «певец» он припомнил, что действительно слышал его фамилию, но ничего больше он об этом человеке не знал и уж тем более не имел представления о том, действительно ли он такой надутый и высокомерный, как утверждает свидетельница, или это исключительно ее личные впечатления?

– Тогда почему же он показался Евгении Васильевне милым и приятным, если он такой противный?

– А вы не понимаете? – Алла фыркнула и изящно повела плечиком. – Этот прием и люди на нем – не Женина тусовка, ей там одиноко и скучно, муж занят переговорами с нужными людьми, а она ходит одна, неприкаянная и брошенная. Поэтому любой, кто с ней заговорит и улыбнется ей, покажется нашей Женечке сказочным принцем. Разве вам такое не знакомо?

Эти слова Колосенцев почел за благо не комментировать: ему самому такое было незнакомо, оперативная работа не предполагает ситуации, когда не смеешь или не можешь заговорить с незнакомым человеком. Во всяком случае, Гена Колосенцев мог заговорить с кем угодно и где угодно, не испытывая ни малейшей неловкости.

– Значит, Волько с ней заговорил? – уточнил он.

– Ну, или она с ним, не знаю, но в любом случае они разговаривали, это точно, я сама видела.

– А кроме Волько с кем Панкрашина разговаривала?

– Я же вам уже говорила: со мной. С Дашей. С Катей. – Правильные черты лица Аллы Анищенко исказились в недовольной гримасе: ну сколько можно спрашивать про одно и то же? – Да мы все вместе стояли, она к нам подошла и принялась трещать про Волько. Наша Женя как бездомная собака, готова пойти за первым же, кто ее погладит. А уж если покормит, так она будет ему предана до гробовой доски.

– А вы ее не очень-то жаловали, – едко заметил Геннадий.

Алла смутилась и даже вроде бы растерялась:

– Нет, что вы, не в том дело, что я не любила Женю, наоборот, ее все любили, она была чудесная, просто не нашего круга. Женечка была очень общительная, умела хорошо контактировать с людьми и расположить их к себе. И вообще она без общения засыхала, поэтому очень держалась за своих подружек, с которыми по сто лет вместе работала, никак расстаться с ними не могла. Без конца к ним в гости ездила или в кафе приглашала. И они ее очень любили, между прочим. Женечка, конечно, простовата была, но безвредная и добрая. И подружки у нее такие же, как она сама, без образования, всю жизнь секретарями и делопроизводителями работали. Вот это – ее круг, с ними ей было хорошо, уютно. И Женя очень дорожила их отношениями, старалась не раздражать подруг, не вызывать зависти, поэтому одевалась очень плохо и украшений не носила, всячески подчеркивала, что она осталась такой же, как они, несмотря на то, что Игорь стал состоятельным человеком.

– И откуда вы это знаете? Евгения Васильевна сама вам об этом говорила?

– Нет, что вы. – Алла рассмеялась. – Мы не настолько душевные подружки, чтобы делиться такими подробностями. Я ведь уже говорила: мы просто приятельницы, давние знакомые. Об этом моему мужу Жоре рассказывал Игорь Панкрашин, а муж соответственно мне пересказал. Но я не думаю, что это

чистая правда.

– Вот как? А почему? В чем вы сомневаетесь?

– Да Женя никогда не интересовалась своим внешним видом. Можно носить дешевую плохую одежду и обувь, но всегда видно, когда женщина занимается собой, а когда ей на свою внешность наплевать. Я понимаю, к подругам – в старых брюках и растянутом свитере. Но в другие-то места можно одеться как-то по-другому? Она на мероприятия с Игорем приходит уже несколько лет в одном и том же платье, а ведь здесь ее подружек нет, могла бы надеть и что-то попримечательнее, поновее. Своего косметолога у Жени нет, массажиста нет, маникюр всегда самодельный, в парикмахерскую ходить не любит. Волосы у Женечки от природы очень хорошие, густые, но запущенные – это же ужас какой-то! Нестриженные, неуложенные, краской пренебрегает, даже голову помыть вовремя – и то может забыть. – Алла деловито посмотрела на часы: – Простите, мне пора бежать.

«Ну и ладно, – подумал Колосенцев. – Я уже все спросил».

Женщина достала из сумочки деньги, сунула их под сахарницу, не дожидаясь, пока официант принесет счет, и встала.

– Расплатитесь, пожалуйста, – бросила она, словно перед ней сидел не сотрудник полиции, а молодой навязчивый поклонник, которому можно давать любые поручения и который будет счастлив их выполнять.

– А сдача? – язвительно спросил Геннадий. – Официанту оставить?

И тут Алла Анищенко допустила ошибку: она произнесла слова, которыми нажила себе в лице Гены Колосенцева смертельного врага.

– Как хотите, можете оставить официанту, можете взять себе.

И удалилась, красиво покачивая стройными бедрами.

«Ну погоди, сучка, – зло подумал Колосенцев, засовывая блокнот в карман. – Вот только подставься, вот только кончик ногтя покажи – я тебе всю руку по локоть

отрежу. Стерва!»

Миниатюрная, как статуэточка, молоденькая девушка с короткой мальчишеской стрижкой улыбалась Роману Дзюбе так лучезарно, что он с большим трудом сохранял приличествующее ситуации выражение лица: ему страшно хотелось улыбнуться ей в ответ, но нужно же было держать марку! Все-таки он из полиции, из уголовного розыска – организации серьезной и уважаемой.

– Да, наш ломбард дает украшения напрокат, – говорила девушка с редким, давно забытым русским именем Евдокия. – Мы открыли при ломбарде специальный рент-бутик. Понимаете, ювелирку напрокат вообще целесообразно пристегивать именно к ломбардам, потому что у нас есть специальная аппаратура, позволяющая определить подлинность камней и драгметаллов. А то ведь клиент может взять вещь с камнями, а вернет со стразами. Поэтому там, где такой аппаратуры нет, стараются с ювелиркой не связываться, работают в основном с бижутерией. А мы даем настоящие ювелирные изделия, но в любом случае это недорогие вещи, а вы мне описали изделие, которое наверняка стоит очень и очень дорого. Мы с такими украшениями дела не имеем.

– А кто имеет? – спросил Роман.

Евдокия задумалась, не сводя при этом глаз с оперативника.

– Господи, какие у вас ресницы, – неожиданно произнесла она. – За такие ресницы я бы полжизни отдала.

Дзюба потерял дар речи. О чем это она? О нем? О рыжем и нескладном Ромчике, над которым без конца потешается Колосенцев и которого в упор не видит обожаемая Лена Рыженко? Наверное, эта девушка шутит. Или она слепая? Или у нее дальтонизм, и она не замечает Ромкину вопиющую рыжину, которой он сам ужасно стесняется?

– Вам надо обратиться в специализированный свадебный салон, – продолжала Евдокия. – Вот там могут давать дорогие украшения, хотя все равно они не будут такими, как то, о котором вы спрашиваете.

– А где этот салон?

– Я вам дам адрес. И еще напишу адреса двух ломбардов, которые тоже дают ювелирку напрокат. – Она потянулась было за стопкой стикеров и ручкой, но внезапно остановилась. – Хотя нет... знаете, так вы ничего не добьетесь. Вы нас как нашли?

– Я в Интернете искал, там есть адрес вашего бутика.

– Многие заведения дают изделия напрокат, но не рекламируют этого. А многие, наоборот, дают только бижутерию и совсем простенькую ювелирку, а рекламу себе делают такую, что можно подумать, будто у них можно бриллиантовую диадему взять за копейки. Если вы будете объезжать все места, адреса которых найдете в Интернете, только время зря потратите. Хотите, я вам помогу?

– Хочу, – вырвалось у Дзюбы раньше, чем он смог сообразить: а действительно ли он этого хочет? – А как вы мне поможете?

– А я сама им позвоню. Я знаю, куда надо звонить и как спрашивать, чтобы сказали правду. Вы мне только точно напишите все, что вам нужно узнать. А дальше я сама.

– И когда вы будете звонить?

– Да прямо сейчас. Я же не приемщица, я оценщица, мне в зале находиться не нужно. Вас как зовут? А то вы мне удостоверение показали, а я не прочитала.

– Роман. А вас мне называть Евдокией или можно как-то покороче?

– Можно Дуней. – Девушка снова улыбнулась. – Меня так все называют. Давайте мы с вами сядем, чайку заварим, я буду звонить, а вы будете мне подсказывать, если что не так. Ой, Роман, а может, вы голодны? А то у меня печенье есть, сушечки. Будете?

– Буду, – кивнул решительно Дзюба, наплевав на приличия. И вдруг совершенно неожиданно для себя добавил: – Я все время есть хочу. Мама говорит, что я еще расту. А на самом деле я активно спортом занимаюсь, поэтому трачу много

энергии.

Дуня быстро заварила чай и поставила на стол две тарелочки с печеньем и сушками. Роман попытался взять чашку, локоть немедленно уперся в стоявшую на столе коробочку размером примерно 10 на 15 сантиметров, из которой торчал какой-то шнур с щупом на конце.

- Ой, - испугался он, - я вам тут что-нибудь разобью...

- Не волнуйтесь, - рассмеялась Дуня. - Это даймонд-тестер, прибор для оценки камня. С его помощью можно сказать, алмаз это или стекляшка.

- Да? - заинтересовался оперативник. - А как он работает?

- Вот видите, это предметное стекло, - стала объяснять оценщица. - На него кладется камень, прибор включается, и к камню прикладывается наконечник щупа. На дисплее выводится результат, по которому все становится понятно. Все просто и быстро, как видите.

Дзюба прихлебывал горячий напиток, грыз сушки и внимательно слушал, как эта необыкновенная девушка ловко и быстро выясняет ту информацию, на поиски которой у него ушел бы, наверное, не один день.

«Вот повезло - так повезло, - думал Роман. - Надо же: и помощь предложила, и толковая. Еще и кормит».

- Дуня, - спросил он, улучив момент, когда девушка закончила один разговор и еще не начала другой, - а почему вы решили мне помочь? У вас ведь своей работы много.

Она посмотрела удивленно и даже как будто с упреком.

- Но ведь человека убили, - очень серьезно объяснила она. - Хуже этого ничего не может быть. Когда человека убивают, мне кажется, неприлично считаться, кто что должен и что не должен, все должны дружно браться за руки и помогать друг другу, чтобы найти преступника. Разве нет?

Вообще-то Роман Дзюба именно так и считал, но почему-то нигде и никогда, ни на работе, в уголовном розыске, ни вне работы, ни даже в книгах и кинофильмах он не видел людей, разделявших такую позицию.

Закончив очередные телефонные переговоры, Дуня огорченно произнесла:

– Нет, вашу Панкрашину никто нигде не помнит.

– Но она могла быть не одна, – заметил Роман. – Она могла быть с кем-то, с мужчиной, например, или с женщиной, и прокат кольцо оформили не на имя Панкрашиной, а на другое имя.

– Да, но такого кольца тоже никто не знает. И вообще, я была права: куда бы я ни позвонила, мне всюду отвечали, что такие дорогие вещи напрокат не даются, это исключено.

– А если бижутерия?

– Но по описанию-то никто изделие не признал, – возразила Дуня. – Судя по вашим словам, оно достаточно необычное, крупное, броское. Его бы не забыли. – Она бросила взгляд на две опустевшие тарелки и всплеснула руками. – Ой, боже мой, Ромочка, какой же вы голодный!

Дзюба с изумлением понял, что съел все, что было, подчистую. Вот вечно он так... И Ромочкой никто, кроме мамы, его никогда не называл.

– У меня есть три рыбные котлетки, – продолжала добросердечная Дуня. – Я с собой принесла, чтобы пообедать. Хотите?

– А вы?

– А мы поделимся, – деловито предложила миниатюрная оценщица ломбарда. – Каждому по целой котлетке и одну пополам. Не бог весть что, конечно, они не домашние, из кулинарии, но все равно же еда. У нас и микроволновка есть, если их разогреть, то вполне сносно получится. Будете?

В принципе Дзюба понимал, что надо отказаться. Девушка покупала обед в расчете на одну себя, и порция разделения пополам не предполагала. Но почему-то, по какой-то совершенно необъяснимой причине отказаться он не смог и согласно кивнул.

– Буду. Только за это вы мне должны пообещать, что сходите со мной когда-нибудь в кафе. Сегодня вы меня кормите, а в следующий раз я буду кормить вас. Вы уже всем позвонили?

Дуня задумалась, потом тряхнула головой.

– Можно еще в пару мест позвонить. Хитрые такие места, про них никто не знает, но там тоже дают напрокат ювелирные изделия. Если уж и там понятия не имеют про ваше кольцо, то тогда точно – больше нигде в Москве его взять не могли.

– Дуня, мне в другом бутике сказали, что за прокат берут сто процентов стоимости изделия. Это правда? Всюду так? Или есть варианты?

Дуня между тем достала из сумки магазинную упаковку с рыбными котлетами, сняла пищевую пленку и сунула еду в стоявшую на подоконнике микроволновую печь. Печь многообещающе загудела, и по небольшой комнатке почти сразу разлился довольно приятный запах.

– Нет, Ромочка, вариантов нет. Сто процентов стоимости – это стандарт. Другое дело, что проценты от этой стоимости, которые начисляются за пользование вещью, могут быть немножко разными. У кого-то пять процентов, у кого-то четыре или три, у кого-то скользящая шкала, например, за первые два дня – пять, за следующие три дня – три процента, потом по два или по одному. У всех свои правила, но в таких примерно рамках.

– А вы как оценщица можете мне сказать примерно, сколько стоит такое кольцо?

Дуня отрицательно покачала головой.

– Мне нужно точно знать, сколько там камней и каких, только тогда я смогу подсчитать, но и то очень приблизительно, «от и до», потому что камни же

бывают разного качества, и дело не только в том, сколько их и как они называются, но и в том, какой они каратности и чистоты, от этого зависит их цена. Но, конечно, только в том случае, если кольцо настоящее. А если это бижутерия, то не больше сорока тысяч рублей, но это уж самый верхний предел. Вернее всего – тысяч пять-восемь. Хотя опять же... Если это брендовая вещь, например, Картье или Лалик, то, конечно, дороже. А кстати...

Микроволновка пискнула, гудение прекратилось, Дуня достала из шкафа чистые тарелки и приборы и ловко, одним точным движением, разделила третью котлету ровно пополам.

– Так вот, Рома, я знаете о чем подумала? Если бы вы сказали мне, сколько та женщина заплатила за прокат, я бы вам примерно подсчитала общую стоимость кольца, тогда можно было бы разговаривать более предметно.

Дзюба задумался. Действительно: сколько Панкрашина заплатила за аренду? Ее муж говорит, что сущие копейки, но ведь это только с ее слов. А на самом деле? И почему такая простая вещь сразу не пришла ему в голову?

Он перевел глаза с дымящихся на тарелке котлет, источавших соблазнительный запах, на лежащий рядом мобильный телефон. Нет, сначала котлеты, а то остынут. Вот поест быстренько и сразу позвонит.

Вкуса еды Дзюба не понял. Надо же, запах был таким симпатичным, а на вкус – лежалая бумага. Может, котлеты были пресными, а вернее всего, ему мешали глаза этой необыкновенной Дуни, которые не отрывались от его лица. Он даже жевать стеснялся.

– Почему вы так смотрите на меня? – наконец не выдержал он.

– Любуюсь, – просто ответила Дуня, нимало не смущаясь. – Вы очень красивый. У вас потрясающие глаза. Я таких ярко-голубых глаз ни у кого не видела.

Дзюба поперхнулся и долго откашливался.

– Кто красивый? Я? Вы что, смеетесь?

– Вы очень красивый мужчина, – повторила Дуня абсолютно спокойно. – И не верьте никому, кто в этом сомневается. Вы женаты?

– Нет, – пробормотал Роман.

– Если когда-нибудь вы надумаете жениться, вспомните про меня. – Девушка задорно рассмеялась. – За таким мужчиной, как вы, я готова на край света пойти.

Он совершенно не понимал, как реагировать на такие слова, поэтому счел за благо схватиться за телефон. Антон Сташис как раз находился в квартире Панкрашиных, поэтому через несколько минут ответ был получен: Игорь Панкрашин дал жене на приобретение нового платья и украшений пятьсот тысяч рублей в нераспечатанной банковской упаковке – сто купюр по пять тысяч. Деньги Евгения Васильевна хранила всегда в одном и том же месте, и именно в этом месте Панкрашин на глазах у Антона обнаружил конверт, а в нем – все ту же нераспечатанную упаковку, запаянную в полиэтилен – так выдали в банке. Кредитными картами убитая не пользовалась, банкоматов панически боялась, по старинке предпочитала наличные.

Получалось, что изделие действительно стоило совсем недорого, и у Евгении Васильевны вполне хватило имевшихся в кошельке денег на залог, составлявший сто процентов стоимости. Как следовало из слов Дуни, проценты за первые два дня берутся с клиента сразу, в момент заключения договора, а остальное он платит, когда сдает изделие, в зависимости от сроков проката. И из всего этого недвусмысленно следовало, что пресловутое кольцо настоящим все-таки не было. Бижутерия. И даже, вероятнее всего, дешевая. Но, несмотря на дешевизну, сделанная очень хорошо, настолько хорошо, что никто ничего не заметил. Как-то это все сомнительно... Очень хорошо и дешево? Такое бывает только в сказках. В жизни, как давно усвоил Ромчик Дзюба, очень дорогое далеко не всегда бывает хорошим, но вот дешевое всегда бывает только плохим.

Что же за ерунда такая с этим колье? Допустим, оно все-таки было настоящим. Но его аренда не стоила Евгении Васильевне ни рубля. Как такое могло получиться? Кто-то дал ей эти деньги, и вполне возможно, любовник. Что бы там ни говорил Генка Колосенцев об убитой женщине, как бы ни уверял, что на такую ни один мужик не позарится, а Романа с этой версии сдвинуть невозможно. Полюбить можно кого угодно, и подонка, и идиота, и уroda. Любовь

вообще такая штука... Сложная и неуправляемая.

Но есть и второй вариант, который почему-то раньше в голову ему не приходил: Панкрашина взяла кольцо вообще не в бутике и ничего никому не платила. Где взяла? Круг ее подруг – бывшие коллеги по работе, секретарши, машинистки, мелкие клерки. У них настоящего украшения такого класса быть не может, а вот дорогая бижутерия, полученная, например, в подарок, вполне реальна. И вещь хорошо сделана, так, что на быстрый взгляд от настоящего не отличишь, и денег никаких платить не надо. Мужу наврала про прокат, чтобы не ругался, он ведь велел надеть на прием настоящие украшения. А что? Как рабочая версия – очень даже годится. Хотя... Нет, снова не получается. Зачем тогда она сказала про прокат Татьяне Дорожкиной и уверяла, что кольцо настоящее? Если подруги все знакомы между собой, то правда через несколько дней вылезет наружу. Бессмысленно.

«И все равно надо проверить», – упрямо решил Роман.

– Дуня, а почему вас родителя назвали Евдокией? – поинтересовался он. – В честь кого-то?

– Моя бабушка очень любила фильм «Евдокия», был такой давно-давно, даже моя мама тогда еще не родилась. Но его по телевизору иногда показывают. Вот поэтому и назвали, хотели бабушку порадовать. Но папа мне говорил, что редкое имя – это особая судьба или особые способности.

– А у вас особая судьба?

– Да нет, – рассмеялась девушка. – Судьба у меня самая заурядная. А вот способности действительно есть кое-какие. Я камни вижу без аппаратуры. И людей тоже вижу. Не всех, конечно, только необыкновенных, ни на кого не похожих, особенных. Вот вас, например, вижу.

И снова оперативник не нашел, что ответить.

Дуня снова взялась за телефонную трубку, а Дзюба вышел в крохотный тесный тамбур между комнатой оценщицы и торговым залом и позвонил Татьяне Дорожкиной с просьбой назвать имена их с Панкрашиной общих подруг и дать их номера телефонов. Вот закончит здесь – и начнет звонить.

«Все-таки она издевается», – решил Роман, выходя из ломбарда через полчаса.

Дуня позвонила еще в несколько мест, но результат был все тем же: ни Панкрашину, ни ее необыкновенного кольца нигде не видели.

Он поежился под морозящим ноябрьским дождем, порыв влажного пронзительного ветра взъерошил его непослушную густую шевелюру и немедленно пробрался через неплотно застегнутый воротник куртки на шею и сполз на грудь мерзкими мурашками. О том, чтобы тихо-мирно сесть на лавочку и начать обзванивать подруг убитой, даже речи идти не могло. Дзюба трусцой добежал до ближайшей троллейбусной остановки – крытого павильончика, в котором и присесть можно, и сверху не капает. Чем больше он звонил, тем быстрее таяли его надежды: никто никаких украшений Евгении Васильевне не давал, никто о таком кольце ничего не слышал.

Конечно, все это было чрезвычайно огорчительно, потому что мешало продвижению вперед в деле раскрытия убийства. Но настроение у Романа Дзюбы было, несмотря на это, превосходным, а в груди поселилось необъяснимое, но такое приятное тепло.

Они хотели зайти вечером к следователю и доложиться, но оказалось, что Надежду Игоревну Рыженко вызвало руководство и на месте ее нет.

– Приезжайте ко мне домой, – предложила она по телефону, когда Колосенцеву удалось дозвониться до нее. – Часам к девяти я точно вернусь, меня минут через десять примут, пока что я еще в приемной отсиживаюсь. Приезжайте, Ленка собиралась вареники с картошкой лепить, заодно и поужинаем.

– Хорошо, мы приедем в начале десятого, – недовольно скривившись, пообещал Геннадий.

Дзюба при этих словах радостно встрепенулся: он увидит Лену, сможет с ней поговорить, а даже если и не поговорить, то хотя бы просто посмотреть на нее. Подышать одним с ней воздухом. Генка, конечно, недоволен, но это и понятно: сейчас отчитался бы перед Рыженко быстренько – и домой, к компьютеру, к играм своим. Ну ничего, не всегда же празднику быть на Генкиной улице, иногда

и ему, Дзюбе, должно повезти.

– Ребята, это без меня, – покачал головой Антон. – Работу я сделал, а пересказывать результаты следователю вы и одни сможете. Мне домой нужно, у меня дети, я и так их почти не вижу.

Антон уехал домой, а Роман робко предложил:

– Ген, а чего нам тупо в машине сидеть, давай поедem к Надежде Игоревне и у нее посидим, подождem ее. Ленка же дома, она нам откроет.

Колосенцев кинул на него насмешливый взгляд.

– Дураков ищешь? Перебьешься. Поедем пока, постоим у подъезда, а как Надежда появится – вместе с ней и зайдем. И ни минутой раньше.

– Но почему, Ген? Чего ты упираешься?

– Потому что в машине я могу спать, – отдельно произнося слова, объяснил Геннадий. – А если мы войдем в квартиру, то какой сон? Ленка в меня тут же вцепится и начнет болтать, ты же знаешь.

В его голосе звучало нескрываемое злорадство. В самом деле, чем больше уставал Колосенцев, тем больше проявлялось в нем непонятно откуда берущееся желание унижить Романа или хоть чем-нибудь уесть.

Дорога до дома следователя Рыженко заняла минут сорок. Колосенцев набрал номер ее домашнего телефона, выяснил у Лены, что мама еще не пришла, и велел Дзюбе смотреть в окно, чтобы не пропустить Надежду Игоревну, а сам прикрыл глаза и оперся затылком на подголовник. Через полминуты он уже крепко спал, а Роман, пытаясь унять гнев и горькую обиду от недавнего унижения, стал вспоминать все то, что рассказали подруги Евгении Панкрашиной. Сам он успел съездить только к двоим, остальных опрашивали другие сотрудники розыска, которых начальство бросило на оказание экстренной помощи Сташису, Колосенцеву и Дзюбе.

Все приятельницы Евгении Панкрашиной рассказывали одно и то же: дружат давно, много лет, когда все вместе работали в огромной организации, только один секретариат – 28 человек. Женя часто приезжала в гости, или они куда-нибудь ходили вместе, например, прогуляться или кофе с пирожными выпить. Но иногда она приезжала, сидела какое-то время и уезжала, а потом снова возвращалась. Вот в этой части все опрошенные были единодушны.

– Она говорила вам, куда именно уезжает и зачем? – спрашивал Роман у тех свидетельниц, с которыми разговаривал сам.

– Точно не говорила, но... – усмехнулась его собеседница, худощавая дама в возрасте за шестьдесят с обильно покрытым морщинами лицом, – давала понять, что у нее есть любовник.

– Каким образом она давала это понять?

– Вот, например, я спрашивала: «Уж не любовничка ли ты завела, подруга?» – а Женя только улыбалась в ответ, но молчала. Ни да – ни нет. Не подтверждала, но и не отрицала.

– Может быть, Евгения Васильевна что-нибудь о нем говорила? – допытывался Роман.

– Нет, ничего, ни слова. – Дама покачала головой. – Да и повода не было, она же не признавала впрямую, что у нее кто-то есть.

– Скажите, кто из вас является самой задушевной подружкой Панкрашиной? Самой близкой, такой, от которой нет секретов?

Свидетельница глянула на него острыми умными глазками и покачала головой.

– О, такой среди нас нет. Вернее, у Женечки такой подружки не было. У нее, понимаете ли, муж – хороший дрессировщик, смолоду приучил ее не распускать язык, никому не доверять полностью и не болтать лишнего, как бы чего не вышло... Они оба такие, и Женечка, и Игорь. Игоря я помню еще пацаном сопливым, только-только после института, еще в профессии ничего не умел, а уже был закрытым наглухо. Женечка ни с кем никогда не была полностью

откровенной, сначала это обижало и бесило, ну, по молодости, а потом мы поняли, что не в этом суть. Женька добрая была и всегда готова помочь, поддержать, всех жалела, всем сочувствовала, рядом с ней было тепло, и за это мы все ее любили. И еще, знаете, она очень хорошо умела слушать. Мы всегда делились с ней своими проблемами, и она слушала нас, сочувствовала, если хоть чем-то могла помочь – обязательно помогала, постоянно интересовалась, как дела у нас, у наших мужей, у детей, у всех наших родственников, про которых она тоже помнила – и их имена, и их проблемы. Поэтому нам всегда было о чем поговорить, и даже как-то незаметно было, что мы никогда не говорили о ней самой. Ну, не рассказывает она о себе – так это ее дело. Мы давно уже перестали обижаться и просто любили Женечку такой, какой она была.

И здесь та же самая песня: никому не доверяла, ничего не говорила, ни с кем ничем не делилась. Как так можно жить? Роман Дзюба этого не понимал.

– Как давно у Панкрашиной появился этот любовник? – задал он очередной вопрос.

– Понятия не имею, – развела руками свидетельница.

– Ну хорошо, а вот эта странная привычка приезжать, потом уезжать и снова возвращаться? Она когда появилась?

Женщина подняла глаза к потолку, вспоминая.

– Года два назад, может, два с половиной. Или около того.

– Но не год? – уточнил Роман.

– Нет-нет, совершенно определенно не год, намного больше.

– И не пять лет? Не четыре?

Женщина с недоумением посмотрела на него и сердито повторила:

– Два – два с половиной года, я же ясно сказала.

Все остальные приятельницы Евгении Панкрашиной, которых оперативники успели опросить за сегодняшний день, повторили то же самое. И показания их совпали с показаниями Татьяны Петровны Дорожкиной, за исключением, разумеется, истории с колье. Про колье никто, кроме Дорожкиной, не знал...

Роман очнулся от того, что кто-то стучал согнутым пальцем в стекло с его стороны. Рядом с машиной стояла Надежда Игоревна Рыженко. Довольно бесцеремонно растолкав крепко заснувшего Колосенцева, Роман выскочил на тротуар и буквально выхватил из рук следователя тяжелую сумку и два пакета с продуктами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.me/ru/aleksandra-marinina/posledniy-rassvet-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)